18+
ИРИНА ЧЕРЕНКОВА
Хэлвегард
ИСТОРИЯ
ОДНОГО
КОРОЛЕВСТВА

Ирина Черенкова

Хэлвегард. История одного королевства

https://litres.ru/70645135
ISBN 9785006290020

Аннотация

Далеко на севере в тёмных лесах раскинулось королевство Хэлвегард, надёжно обнесённое от остального мира горным хребтом. Его жители — суровые воины и крепкие мужья, хитрые знахари и стойкие женщины, сильные духом, жёсткие в бою. Сотни лет королевство хранило свою тайну, покрывало странности и нестыковки человеческими жизнями, вселяло смуту в сердца мирного народа. Однако всему, что нарушает природный баланс, суждено быть разрушенным изнутри рано или поздно, вопрос времени. И отсчёт его начался.

Содержание

Книга 1. Наследники 5
Часть 1 5
Часть 2 148
Конец ознакомительного фрагмента. 167

Хэлвегард
История одного королевства

Ирина Черенкова

Иллюстратор Иллюстрации созданы при помощи нейросети Dream by WOMBO

© Ирина Черенкова, 2026

© Иллюстрации созданы при помощи нейросети Dream by WOMBO, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0062-9002-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Наследники

Часть 1
Дезертир

Мокрый весенний лес вытянулся стеной своими голыми стволами и ветками. Они поднимались к белому без единого просвета небу и смыкались над головой куполом из частых угольных штрихов, слегка покачивающихся на раскатах редкого ветра. Земля ещё несла на себе подтаявшие ледяные корки снега, но кое-где уже зияла чёрными дырами в размытой оттепелью подстилке из прошлогодней листвы и хвои.

С верхних ветвей то и дело падала талая вода. Повсеместные шорохи от тяжёлых капель привлекали внимание пробирающейся через лес тёмной фигуры, обостряя восприятие и слух. От подобной концентрации, призванной сохранить жизнь во что бы то ни стало, довольно быстро заканчивались силы, и фигура приваливалась к мокрым стволам деревьев, отдыхая в непростом путешествии.

Кляслый мох в проталинах чавкал под ногами, затягивая обувь по самую щиколотку, в то время как подтаявший наст не позволял передвигаться быстро, норовя уронить беглянку. Хорошо, что Микаэ́лла догадалась переобуться в том со-

стоянии, в котором покидала замок. Туфли, которые она носила дома, пришли бы в негодность, не успела бы девушка даже миновать овраг. Тёплые мохнатые унты, огромные и невостребованные хозяином более, позаимствованные ею на кухне для слуг, некогда принадлежали их повару, павшему одним из первых. Шаги в них давались сложно, но принцесса не жаловалась, всё лучше, чем босиком. Главное — не смотреть вперёд, а то можно впасть в отчаяние от бесконечности непосильного пути.

Большой, такой же не по размеру, как и обувь, балахон с капюшоном из чёрной медвежьей шкуры, снятый с убитого захватчика возле замковой стены, уже особо не грел, будучи мокрым. Но и с ним расставаться Микаэлла не планировала, потому как остаться без укрытия в лесу — это чистой воды безумие, с учётом того, что под балахоном скрывалась лишь тонкая нательная сорочка, в которой девушка спала.

Холода не ощущалось, видимо, тело совсем потеряло чувствительность на фоне пережитого. Либо дух грело воспоминание одной из картин захвата: меч полевого колльбьёрна входит в мягкий живот королевы Аделаиды, её матери. И обезумевшее лицо огромного, словно медведь, воина дикарского вида, совершенно лишённого осознанности и понимания своих действий.

Она с ужасом содрогнулась, вспоминая ночь в замке, в которую она стала сиротой, и едва не провалилась в скорбь. Но той сейчас было не время и не место. Микаэлла, вынужден-

ная пробираться сквозь дикий лес в одиночку, отодвинула свои переживания на задний план, поставив для себя цель — выжить. Пока так проще, сосредоточиться на главном. Рыдать же над утратой было не только нерационально: она потратит уйму сил на выплеск эмоций, которые ей ещё пригодится в долгом пешем походе, но и может лишними звуками привлечь к себе как ненужных людей, так и дикое зверьё.

Девушки северного королевства отличались стойкостью и мужеством. Так говорила мама, сама же Микаэлла за семнадцать лет никуда не выезжала из королевства, обнесённого со всех сторон снежными скалами.

Ориентируясь на хруст веток как на звук, куда не следует соваться, беглянка двигалась, как она надеялась, в поселение ульваров, где её знали точно. Ульвары были одними из четырёх народностей королевства Хэ́лвегард, их предводители носили на плечах волчьи шкуры и отличались необычайной стайностью и мудростью, передающейся из поколения в поколение. Как прослойка между остальными народностями, «волчьи жители» были своего рода посредниками между освирепевшими «медведями» и скользкими «змеями». И пусть «змеи» ормарры защищали единственный вход, скрытый в скалах, а два клана «медведей» добывали питание и сырьё для всего королевства, именно «волки» были Микаэлле больше всего по душе. Уравновешенные и мирные, открытые и искренние, они всегда пользовались уважением её отца, когда тот был жив.

В поселении ульваров, что располагалось между замком и «медвежьими» племенами, она знала престарелую повитуху, что лечила отца от кожной хвори. Старуха точно должна была узнать королевского отпрыска и посоветовать, как быть дальше. От «медведей» же Микаэлла старалась держаться подальше, понимая, что восстание подняли именно они.

Она не была уверена точно, нужно ли ей в поселение ульваров, и куда вообще нужно, потому что замок пал, разбитый войском колльбьёрнов. Колльбьёрны, или «Чёрные медведи», были второй из четырёх, крупнейшей народностью

королевства, самой древней и многочисленной, как рассказывали письмена в замковой библиотеке. Поговаривали даже, что основатели их поселения были замешаны на царской крови как незаконнорожденные отпрыски правителей, но никакой конкретики история не рассказывала более.

Колльбьёрны давненько высказывали недовольство, что из всех остальных народностей они пользуются наименьшим уважением своего короля, но замок отказывался комментировать свои притеснения «медвежьего племени». Видимо, устав от непомерного налога и относительного равнодушия к судьбам и порядкам деревни (поселение колльбьёрнов было единственным без своего внутреннего правителя), «медведи» взбесились и наградили любимого короля порцией стальных мечей вместо должной признательности.

Слева от неё снова хрустнула ветка, и лес застонал от ветра. Микаэлла прижалась всем телом к мёрзлой земле и укрылась покрепче медвежьей шкурой. Тишина. Но на всякий случай взяла правее, опасаясь погони и поисков.

Есть не хотелось, оно и во благо. Обитавшая в замке девушка представления не имела, как выжить в лесу, чем питаться, какие травы и мхи съедобные, а какие нет. Её работой было управление, а не поиск пропитания и питьевой воды.

Впрочем, воды было предостаточно. Поздняя весна уже давала о себе знать, то тут, то там журчали ручьи, а если притихнуть и прислушаться, можно было разобрать шум горной реки, от которой Микаэлла старалась держаться подальше.

Возле бурной воды, как говорили библиотечные карты, спряталось поселение бьярнваров, самых кровожадных и беспринципных воинов их королевства. Образовалось оно из тех колльбьёрнов, которые сочли своей целью стать непобедимой «медвежьей» армией. Они отличались от своих чёрных сородичей тем, что прекрасно держали в руках меч, практически обходясь без щита, и никогда не сдавались. Все самые непобедимые и неустрашимые воины Хэлвегарда были взрощены бьярнварами.

Вышедшие из соседней деревни колльбьёрнов, они быстро приобрели автономию и даже назначили своего внутреннего правителя, отличавшегося жесткостью и бесприкословием. Кроме того, два поселения «медведей» различались друг от друга диалектом и произношением, хотя были достаточно близкими и дружными соседями.

Микаэлла, конечно, не боялась своего народа, к управлению которым её готовили с раннего детства, однако теперь, когда правители королевства были мертвы, она опасалась встретить вообще кого бы то ни было. Непонятно, кто друг, а кто враг.

Снова хруст ветки. Ощущение, что рядом с ней кто-то шёл. Вроде бы тихий глухой щелчок, характеризующий поступь оленя или медведя по мху, на котором случайно оказался сучок, но девушка тут же пригибалась и меняла направление движения. Только диких животных ей не хватало!

Вторые сутки пути тянули над головой серое небо, раз-

резанное чёрными капиллярами голых деревьев. Кое-где на особо открытых скупому солнцу местах пробивалась зелень подснежников. Весна в их широтах приходила поздно, а осень начиналась едва ли не сразу после окончания цветения быстрых растений. Зато снежный покров зимы окутывал мир белёсым одеянием чуть ли не полгода, изгоняя любого теплолюбивого чужака. Таков негласный закон природы северных земель.

Привыкнув к тишине леса, которую не рассекали даже птичьи трели то ли из-за пасмурной погоды, то ли от позднего времени суток, Микаэлла поднялась с земли и побрела дальше. Лес молчал, провожая странницу королевских кровей.

От неизменной картинки, когда одна нога переступает через поваленное дерево, а другая — утопает в мокром мхе, девушка потеряла счёт времени. Если сегодня до темноты она не выйдет ни на какое, хотя бы маломальское поселение, хоть дом на отшибе, то ей придётся несладко. Прошлую ночь она провела на дереве и почти не спала, опасаясь упасть. Под её лежбищем топталось крупное зверьё, по запаху и звукам похожее на обширную кабанью семью, поэтому ни о каком отдыхе думать не приходилось. Вторая бессонная ночь могла вылиться ей слабостью назавтра, а это недопустимо в её ситуации.

Внезапно со спины совсем близко раздался хруст ветки. Микаэлла вздрогнула и резко обернулась — сзади мелькну-

ла чья-то тень. Не разбираясь, кто её преследует — человек или животное, девушка рванула вперёд. Длинный без того изодранный подол королевской сорочки зацепился за ветви и стал изрядно короче. Голые кустарники стегали лицо и путались в растрёпанных волосах. Беглянка пару раз запнулась за торчащие из мха коренья, а ещё пару — поскользнулась на подтаявшем насте, но всякий раз мигом, не мешкая, вскакивала с земли и бежала дальше, задыхаясь и всхлипывая.

Наконец, силы почти иссякли. Грязная и измождённая, закутавшаяся в отяжелевшую от влаги медвежью шкуру, она готова была уже упасть ничком, когда впереди в толще ветвей показался просвет. Либо река, либо поселение. И то, и другое для неё — ориентир. Либо спасение, либо смерть, уже всё равно.

Ещё с сотню шагов, и стали слышны далёкие, еле различимые человеческие голоса, крики, удары топора. Во имя святых Богов, пусть это будет поселение ульваров!

На подходе к лесной проплешине Микаэлла заметила стены избы и бревенчатый невысокий забор. То, что она так долго искала, было перед самым носом, и теперь самое время придумать легенду, кто она такая, чтобы не выдать себя первому встречному. Пока она не сориентируется, куда же всё-таки попала.

В идеальном мире она бы подобралась к ограде и заглянула на задний двор, после чего выбрала бы себе для беседы парня примерно её возраста, чтобы был недогадливым

истуканом, твердолобым, но болтливым. Чтобы не задавал лишних вопросов, не ощущал лжи, если Микаэлле придётся врать (а ей обязательно придётся), и очаровался ею настолько, чтобы выложить всю подноготную о своей жизни.

Реальный же мир её огорошил тем, что девушку заметили раньше, чем она сама кого бы то ни было, и не бесхребетный подросток-воин, и не сердобольный добряк-кашевар, и даже не молодая женщина-прачка. Нет. Из всех возможных вариантов встречи ей далась самая неудобная и жёсткая.

— Ты кто такая? — раздался женский скрипучий голос с края ограды.

Возле основания забора стояла сухая сгорбленная старуха и смотрела на неё проницательным взглядом голубых глаз. Редких в их королевстве. Таких же, как у самой Микаэллы и её семьи, только выцветших и водянистых. Пожилая женщина, завернутая в короткую медвежью парку и бурую юбку до самых чёрных мохнатых унт, сверлила её взглядом, требуя ответ. В её седых волосах виднелись скрутки красных нитей, бусины и даже, как показалось незваной гостье, перо. Это означало лишь одно — перед ней представительница повитух. Вот только это не та целительница из поселения ульваров, которую она помнила в просторах замка, а значит, перед ней особа одного из «медвежьих» племён. Сердце пропустило удар, а кишечник сжался в тугой узел.

— Я — Миа, — пролепетала девушка, укоротив своё имя до приемлемо возможного.

— Миа, — пожевала старуха, пробуя незнакомку на вкус. — Идём со мной.

Озираясь в обе стороны от тропы, убегающей от крыльца её дома, знахарка махнула рукой беглянке, де «чисто», и скрылась в избе. Мию уговаривать не пришлось, ноги едва держали её, а разум всё ещё помнил о недалёком преследователе за спиной.

Женщины, а особенно повитухи, в поселениях Хэлвегарда были опасными существами. Их не провести, не обойти со спины, не выкинуть номера. Любые попытки манипуляций или вынюхиваний пресекались в их воинственном королевстве на раз-два. Скорее всего, эта шагающая в избу праматерь уже знала о Микаэлле на порядок больше, чем девушка хотела рассказать, просто прочитав её взглядом.

Дом был пуст и беден. Одна тёмная комната, не отделённая ни единой перегородкой, вмещала в себя низкую каменную печь, обеденный стол со стульями, пару этажерок, заваленных пузырьками и травяными скрутками, и приземистую койку, закинутую половиком. В изголовье кровати стояла тумба с покоящимся на ней сундуком, закрытым на большой амбарный замок. По стенам — никаких светящихся факелов, к которым принцесса привыкла в замке. Источниками света были лишь два окна, пропускающие тусклый лесной сумрак внутрь, пара лучин и огонь в очаге.

Только ступив в тёплое помещение, девушка поняла, насколько она в действительности замёрзла и устала. Она при-

близилась к огню и осела на ослабших ногах, после чего, едва справляясь с подступившим ознобом и ужасом, расплакалась, покрепче укутавшись в свою мокрую медвежью шкуру. Её тельце содрогалось, почувствовав себя в безопасности, и начало освобождаться от сковывающего ужаса.

Но хозяйке дома это пришлось не по нраву. Уперев руки в бока и понаблюдав за визитёршей, она поцокала языком и направилась к печи.

— Вот, выпей, — протянула она деревянный черпак с бурым дымящим напитком.

Пахло алкоголем, но девушка уже не думала. Она залпом отхлебнула огненной жижи и закашлялась. Крепость была что нужно, глаза тут же просохли от слёз, а в грудной клетке взорвался горячий раж, который девушка ощущала лишь в бою на мечах с военным учителем. Озноб прошёл, конечности обрели силу.

— Говори теперь, — начала допрос повитуха. — Кто такая? Что тебе нужно тут? Ты из коллльбьёрнов?

Видимо, та сделала выводы по чёрной медвежьей шкуре, что застилала серую изодранную в клочья сорочку принцессы, и унтам, но соглашаться с бабкой не стоило. Она легко могла проверять гостью на честность своими простыми вопросами. Однако, если та спрашивает, не из «чёрных медведей» ли Микаэлла, значит, она не в их поселении, но и не в ульваров. Неужели бьярнвары?

Самая агрессивная и воинственная раса северного коро-

левства затесалась в восточном углу их каменного мешка из скал, отрезанная от замка озером и поселением колльбьёрнов, от греха подальше. Как же девушка дошла до них, не встретив ни одного человека или зверя по дороге? Здесь любой шаг мог быть — под лёд. Лгать точно не следовало, старуха её раскусит в два счёта.

— Я искала ульваров, там мои родные, — начала девушка лживую легенду тихим осипшим голосом. — Возвращалась из замка, попала под мятеж.

— Ульвары, значит? — крякнула бабка, допив странный отвар из ковша. — Ты шла в противоположную сторону, скажу я тебе. С провожатыми что ли в замок ходила? Почему дороги не знаешь?

Микаэлла замерла, не смея продолжать речь. В своей истории можно было легко запутаться, особенно под взглядом этих вековых глаз.

— Ах, ты молодая ещё, неопытная, — ответила та самой себе, и гостья облегченно вздохнула. — Что там в замке? Стефáн пал? Аделаида?

Девушка кивнула, и на глазах снова невольно навернулись слёзы от упоминания родителей. Но раскисать было нельзя, повитуха хитрила, всё ещё не представившись.

— Ну-ну, что ты? — запричитала бабка, неверно расценив её реакцию. — Подумаешь, начальство сгинуло. Не бери в голову. Чем занималась-то при дворе? Стиркой? Уборкой? Не пропадёшь у нас, работа всегда найдётся.

Гостья лишь молча дарила миру слёзы, полившиеся в тепле весенней капелью. И почему она не осталась в замке встретить свою участь лицом к лицу?

— К ульварам сейчас никто не вызовется провожать, уж извини, — проговорила женщина, смягчившись. — Они остались на защите замка, ни мы, бьярнвары, ни колльбьёрны не сунутся к «волкам», пока те помогают причёсывать осиротевшую королевскую армию.

Всё-таки, бьярнвары. Худшего и быть не могло. Как её угораздило попасть в логово самых отпетых негодяев королевства? Как будто бесы попутали. От этого осознания девушку немного замутило.

Тем временем хозяйка дома раскрыла сундук и достала из него какие-то вещи.

— Вот, переоденься, тут так не ходят, — сообщила она, кинув в неё сухим тряпьём.

Микаэлла, всхлипывая и утирая слёзы, выбралась из своей негодной сорочки и влезла в бурые замшевые штаны и тёмную мужскую рубаху с широким воротом. Уютно.

— Я — Дэгрун, местная травница и акушерка, — представилась, наконец, женщина, и гостья расслабилась, миновав контроль самой чуткой женщины поселения. — Останешься у меня, будешь двоюродной внучкой. Поставим тебе койку, помощь по хозяйству лишней не бывает. Никого не бойся, прикрывайся моим именем и смело смотри в глаза любому — их цвет и будет твоим пропуском, у бьярнваров таких нет,

все чёрные, как преисподняя.

— Что я буду должна за это? — насторожилась подставная родственница.

— А ты сообразительная, — ухмыльнулась старуха. — Что ж, будем честными друг с другом: ты — мне, я — тебе. Я расскажу, только ты — никому не слова, поняла?

Последняя фраза прозвучала как угроза, и испуганная девушка кивнула.

— Это хорошо, что ты попала ко мне, как благословление от хранителей леса, — обрадовалась бабка, накрывая на стол. — Кто-то из наших заключил договор с королём Стефаном, пообещав ему давать информацию о «медвежьих» племенах. Зачем — ума не приложу, но утечка очевидна. На фоне полученной информации Стефан решил изгнать из долины всех, кто отказывается жить по общим правилам. А у нас половина устоев и ритуалов бьярнваров идет против королевских законов, и ты со временем поймёшь, почему. Невозможно жить одинаково в замке и в лесу с дикими зверьми.

На стол встали деревянные плошки с похлёбкой, каменные стаканы с горячим иван-чаем и краюха тёмного ржаного хлеба. Микаэлла слушала, впитывая каждое слово наставницы, понимая, что, возможно, и она попала в поселение бьярнваров неспроста. Ведь, похоже, государственный переворот начался именно с этого отдалённого места.

— Пойми меня правильно, деточка, Стефан был хорошим

правителем, я очень удивилась, когда информация о его кончине разлетелась по королевству, — продолжила травница. — И в наших животных краях есть такие мужи, которых бы изгнать — самое верное решение. Только вот источник, с которым заключён договор — неизвестен. И сдаётся мне, что тот самый гадёныш, что устроил войну всему мирному люду — наш завидный жених Тристан. Он сын нашего правителя, Хакона, скользкий, наглый дьяволёнок. Если он действует заодно с тем ужасом, что развернулся в замке, нам нет покоя и безопасности.

— Мне предстоит шпионить? — догадалась Микаэлла.

Голод вдруг пропал. Захотелось поскорее сбежать из этой избы, подальше от бьярнваров, но девушка понимала, что Боги неспроста закинули её в эту глубинку.

— Тебе предстоит жить, будто ты моя двоюродная внучатая племянница, но при этом рассказывать любые странности, которые тебе будут открываться. Шпионить исключено, это слишком опасно. Я тебе предлагаю место жительства с горячей едой и ночлегом за открытый разговор. Никуда лезть и подслушивать не нужно. Просто общаться с деревней, делая вид, будто я — свихнувшаяся старуха, и рассказывать мне. При мне люди замолкают, мало информации. А она — нужна.

Посчитав разговор законченным, Дэгрун принялась за еду. Несмотря на свой возраст и отсутствие некоторых зубов, женщина ела с достоинством и грацией, будто вкушала пи-

щу богов. Микаэлла устала думать и бояться, а посему, объективно оценив ситуацию, посчитала, что тоже всё же поест. Война войной, а обед — по расписанию.

— Зачем вам политика? — решила поинтересоваться она. — Я думала, знахарки занимаются в поселении здоровьем и родами.

— Мне важна не политика, а баланс сил, — отозвалась ответчица. — Целительство не будет работать, если оно неугодно матушке-природе. Если идёт перекос, всё королевство разваливается.

Странно, мама всегда говорила, что добро всенепременно победит зло. Это было основой их сказаний и легенд, которые королева читала ей перед сном. Но что же есть добро в данной истории? И почему погиб её отец, неужели он им не был?

— Если я услышу что-то странное, что дальше? — поинтересовалась гостья между мыслями и едой.

— Ты рассказываешь мне.

— А что делаете Вы?

— Давай на «ты», странно свою бабку так не любить, — подмигнула старуха, явно стараясь увильнуть от вопроса, но глаза девушки будто повторяли её же слова: «будем честными друг с другом, ты — мне, я — тебе». — Ну, хорошо, ты права. За мной есть люди во всех поселениях, которые так же, как и я, хотят мира. Вот и всё.

— А Тристан его не хочет?

— Тристан хочет власти и денег. Плохо, если он договорился со Стефаном на разнузданное правление. Но он — не один, с кем король мог заключить контракт. Его смерть неприятно всколыхнула всё королевство, это не было необходимостью. Мне важно знать, кто предатель.

Микаэлла вздохнула и кивнула, соглашаясь на шпионаж. В конце концов, и ей хотелось знать, кто предал её отца. Старуха довольно улыбнулась, и девушка почти почувствовала, будто за её спиной захлопнулась ловушка.

После пресного ужина, который показался принцессе самой восхитительной едой, которую она ела в жизни, новоявленная двоюродная бабка повела её знакомить с поселением. Изба знахарки располагалась на окраине деревни, в самом начале хвойного леса, граничащего с поселением с одной из трёх его сторон. Идеальный пункт наблюдения, кто с какой стороны прибывает в деревню. Впрочем, при ударе с суши дом старухи пострадает первым, так что у всякого удобства была цена.

Из двух грунтовых дорог, отходящих от её дома, Дэгрун выбрала ту, что уходила правее, и поплелась вперёд, рассказывая гостье нюансы бытия.

— Те тропы ведут к реке, — указала женщина на узкие прогалины от талой воды, сбегающие ещё правее от основанной дороги. — Горная река упирается в скалы, надеюсь, ты это знаешь. Слева за сельскими домами — обрядная площадь.

В указанном направлении девушка разглядела просвет в деревьях и кивнула. Площадь использовалась поселениями для собраний и празднеств, и вмещала в себя не только всех жителей в важные дни, но и имела место для центрального костра — каменного мешка, в котором разжигался общий открытый очаг. Примерно такая же площадь была в королевском дворе, но, сколько себя помнила принцесса, она ни разу не использовалась в полной мере. Посетителей отец почти всегда принимал у себя в тронном зале, непременно за закрытыми дверьми.

Двести шагов, и безлюдная дорога начала поворачивать влево, словно рыболовный крюк ормарров. По обе стороны от неё разбегались дорожки с понатыканными огородами местных жителей. Из-за серых заборов выглядывали серые старые избы, щурясь покосившимися ставнями. Засмотревшись в одни из них, Микаэлла заметила, как вздрогнула занавеска. За ними безотрывно следили местные жители, догадалась девушка.

— Если пойти дальше по тропе, то упрёшься во дворец Хакона, нашего правителя, — сообщила Дэгрун, огибая круглую площадь с костровищем по центру, — но мы туда не ходим без надобности.

По окончании площади дорога расширилась, выпрямилась и протянулась прямо очень далеко, насколько хватало глаз, а в конце упёрлась в лес. Главная улица (а это, вне сомнения, была именно она) обладала большей жизнью, чем

ведущая к реке. Вдоль неё то и дело встречались повозки, накренившиеся к раскрытым калиткам домов, скупые торговые лавчонки и окна таверн и салунов. Кроме того, на ней были люди. Темноволосые, как и сама Микаэлла, одетые в примерно одинаковые юбки, как у старухи, и штаны, как у принцессы, они живо интересовались незнакомкой с чёрной волной волос ниже пояса и яркими голубыми глазами.

Из дворов и огородов выглядывали многочисленные жители. Взгляд чужачки зацепился за одно из лиц девушек у дома, чуть курносое, немного наивное и добродушное, и Микаэлла невольно улыбнулась. Девушка помахала ей в ответ рукой.

— Это Анника, дочь Ванды, — сообщила Дэгрун. — Хорошая и послушная девица, только вот несчастная. Ей уже девятнадцать лет, а она никак жениха себе выбрать не может, двое «Кругов» мимо.

— Что такое «Круги»? — поинтересовалась принцесса.

— Ты что, со звёзд свалилась? — поразилась старуха. — «Весенние Круги мужества» — тебе ни о чём не говорит? Это ежегодное соревнование бойцов, которое проходит традиционно в нашем поселении. В эту неделю мы открыты для любых гостей, приезжающих для участия в них или воззрения. Любой воин, который тебе встречался на пути, проходил их, без сомнения. В эти весенние соревнования часто молодые люди находят себе избранников, поэтому к нам спешат не только все бравые юноши Хэлвегарда, но и незамужние девушки.

Собеседница отрицательно покачала головой. Ни к чему было королевской дочке искать себе спутника жизни, обычно это делают за неё родители. Хоть для Микаэллы теперь это и было недоступно, но поиск возлюбленного вообще никак не вписывался в её образ жизни, словно ему вообще не место в ней. Она представления не имела, где и на чём будет ночевать грядущую ночь, хоть бабка и сказала, что оставит её у себя. А уж о дальнейшей жизни и речи не шло.

— Странная ты, — проворчала Дэгрун. — А об «Осеннем Круге» тоже не слышала?

— Слышала, — кивнула собеседница. — Это тот, которым завершается сбор урожая?

— Конечно же, он. Немыслимо! С учётом того, что проходят они в твоём родном поселении ульваров.

Микаэлла лишь растерянно пожала плечами. Не до экза-

менов ей по знанию родного края. Возмущаясь вполголоса, бабка поплелась дальше.

— Тут — таверна, самое приличное место из всех забегаловок, — указала завсегдатая городка на двухэтажное бревенчатое строение. — Если кого-то ищешь, лучше идти сюда. В остальные таверны не суйся, неправильно поймут. Напротив, чуть поодаль — кузня, там заведует Скьельд. Их семейное кузнечное дело живёт с основания поселения, он — уважаемый здесь человек.

В ответ на её реплику из распахнутого окна кузни высунулся широкоплечий бородатый бьярнвар вполне приличного вида.

— Привет, Дэгрун! — бросил он женщине. — Какими судьбами ты сегодня тут?

— Знакомлю внучку с местностью, — отозвалась она.

— У тебя же нет детей!

— Это Вигдис из ульваров, моей двоюродной сестрицы.

— Как звать-то, красавица? — добродушно ухмыльнулся старший мужчина, и девушка тоже не сдержала улыбки.

— Миа, — отозвалась она.

— Миа — повторил он. — Добро пожаловать к нам, Миа. Чувствуй себя как дома.

— Скьельд, попроси своих парней принести мне в избу койку для внучки, — прервала его любезности Дэгрун. — Девице где-то нужно спать сегодня.

— Будет сделано, — отозвался бородач и скрылся в нед-

рах кузни, оставив после себя чёрное пусто окно.

Вот и одним вопросом меньше. Микаэлле, конечно, не пришлась по душе тёмная конура целительницы, но всё лучше, чем на дереве в лесу.

А тем временем они двинулись дальше. Судя по всему, круг деревенских дорог должен был замкнуться возле дома травницы. По крайней мере, Микаэлле сквозь густые ветви кустарников стал виден знакомый просвет над её избой. Но женщины не успели вернуться в неё.

— Пойдём, Дэгрун, Хакон хочет видеть тебя, — догнал их со спины молодой крепкий мужчина, мельком оценивший Микаэллу с головы до ног. — Стефан убит…

— О, Боги, не может быть! — ахнула старуха, и неподдельное удивление мелькнуло в её глазах — прекрасная игра. — Что же теперь будет?

Но крепыш не стал ей отвечать, а лишь двинулся довольно шустро в обратном направлении. Вздохнув, старуха поплелась назад.

— Тебе тоже будет полезно, — сообщила она растерянной девушке. — Правителя необходимо знать в лицо, это безопаснее, чем не знать.

От круглой площади с обрядным костровищем они отклонились в сторону по узкой тропе, сокрытой от невнимательного взгляда резким поворотом за кусты. Не знаешь — ввек не найдёшь.

— Ничего не бойся, — бубнила Дэгрун девушке по до-

роге. — Говорить буду я. Хакон сильный и гневливый, но быстро остывает. Ты — из селения ульваров, твоя бабка отправила тебя ко мне в гости. Ничего не знаешь, замка — в жизни не видела.

Спутница кивнула, благодарная акушерке за легенду.

Огромный двухэтажный дом появился из кустов внезапно, словно вырос из ниоткуда. Микаэлла успела только ахнуть и на секунду задрать голову к богато убранному коньку здания, когда их провожатый пресёк всё любопытство:

— Поторопитесь, Хакон не любит ждать.

Посетительниц загнали внутрь и плотно прикрыли дверь за их спинами. Они оказались в обширной квадратной комнате с высоким потолком, уставленной вкруг стен скамьями. Большие сводчатые окна пропускали мало дневного света и много лесного сумрака и закрывались на кованые решётки, совсем как в замке. Возле дальней стены стояло огромное деревянное кресло, обитое медвежьей шкурой, объявляя комнату этаким тронным залом.

В кресле сидел человек, едва ли не вдвое превосходящий по габаритам отца Микаэллы. Верзила носил узкую тёмную косу, начинающуюся у самого лба, с обеих сторон от которой зияли загорелые гладковыбритые череп и виски. Тяжелые брови, крупный нос и густая тёмная борода правителя придавали ему веса, а чёрные зрачки сверлили новенькую подозрительным взглядом.

— Кто она? — вопросил он громоподобно, и старуха ра-

болепно сжалась от его голоса.

— Это моя двоюродная внучка из «волчьей деревни», — отчиталась Дэгрун. — Там началась неразбериха, и сестра отправила её пожить ко мне, пока всё не утихнет.

— Это может не утихнуть и с двадцать лет, она, что, всё это время будет жить у тебя? — возмутился бородач.

— Она умелая и храбрая, лишние руки нам не будут лишними. Испытайте её на «Кругах»! Сестрица говорила, в ней живет воинственный дух.

Микаэлла представления не имела, о чём говорит её спутница, и как девушку можно испытать на «Кругах мужества», она лишь в оцепенении разглядывала деревянный пол.

— Сама займёшься ею, — кивнул Хакон и потерял интерес к незнакомке. — Что дальше? Нашли лазутчика?

— Нет, — мотнула головой бабка.

Правитель нахмурился. Он поднялся с кресла и подошёл к окнам, приглаживая в раздумьях бороду. Микаэлла заметила, что одежды правителя отличались от её штанов и рубахи лишь размером. Теперь она поняла, что имела в виду старуха, говоря о полезности знакомства. Девушка ни за что бы не отличила в Хаконе высокопоставленного человека, вояка как вояка. А между тем недооценивать его было нельзя.

— Стефана предупредили, что мы придём на разговор, — прогудел он, не оборачиваясь на визитёрш. — И предупредили недобро, нас прижали охраной, заставили сдать оружие. Когда колльбьёрны ворвались в зал, мы не смогли да-

же отбиться толком, многие остались там навсегда. Я до сих пор не знаю, где и каким сном спят мои воины, твои сыны, Дэгрун!

Отчаяние и ответственность за подопечных сквозили в его голосе, отчего Микаэлла невольно прониклась жалостью и уважением к этому человеку.

— Мы найдем, Хакон, обещаю, — произнесла травница больше для поддержки.

— Как?! — вспыхнул правитель, повысив голос. — Ты и так много чего наобещала мне в обмен на наш план! Стефан мёртв, умер на руках у моих людей. Что дальше?

Он отошёл от окна и с болью в глазах уставился на пожилую женщину в своей обители, игнорируя молодую, словно той и не было. Дэгрун же даже не моргнула от его эмоций, железная бабка.

— Дальше должно успокоиться пространство, — проговорила она важно, словно она была правительницей, а не он. — «Волки» выставили защиты вокруг замка и своего поселения. Поговаривают, отряд ормарров движется в их сторону. Хэлвегарду грозит гражданская война.

Микаэлла только изумлялась стойкости женщины. Её игра была гибкой, уважительной, напористой, отступающей, беспрекословной, заискивающей, но тут же отрубающей посильнее боевого топорика, проникновенной, внедряющейся в собеседника, но тут же дающей нагоняй. Девушка во все глаза смотрела на хитрую старуху, крутящую вокруг пальца

видавшего виды бойца.

— Ормаррам-то что понадобилось возле замка? — всплеснул руками Хакон, проседая в капризного ребёнка под воздействием этой ведьмы. — Охраняли они въезд в долину, вот и продолжали бы топтаться у подножия гор! Их ещё не хватало.

— Хакон, кто-то убил королевскую семью! — отрезвила его бабка чистым звенящим голосом. — Осознай эту информацию и пойми, что ничего уже не будет как прежде. Много лет минует, прежде чем мы поймём, как жить дальше.

Старуха сверкнула сталью в своих голубых глазах, и гигантский бородач совсем сник. Огромную силу имела она, как бы не старался предводитель бьярнваров храбриться и делать вид, что никого не страшится. Похоже, Микаэлла попала к нужной женщине.

Когда они вернулись в избу, сумерки уже опустились на поселение. Возле дома Дэгрун, обнесённого тёмным лесом, это ощущалось особенно, и Микаэлла, не желая вглядываться, что за тень мелькнула между стволов деревьев, скользнула на крыльцо. Хозяйка же дома уставилась вдаль своими выцветшими глазами и, распрямив спину, подняла ладонь к лесу, будто останавливая кого-то. Вдали хрустнула ветка, и лес затих.

Дверь оказалась открыта, а в помещении случилась перестановка, пока травницы не было. Теперь вдоль стены стояли

две койки, а тумба с сундуком покоились ближе к печи.

— Ты не запираешь дверь? — удивилась девушка.

— Незачем. Ни один вменяемый человек не пойдёт против моего запрета.

— Почему?

Бабка окинула её подозрительным взглядом и поплелась к сундуку. Там она откопала кое-какие тряпки и принялась кидать их на кровать, вставшую ближе к выходу, намекая девушке на работу. Микаэлла не стала спорить, принялась устилать себе койку.

— Местная знахарка — человек неприкосновенный, — тем временем объясняла наставница. — Она не принадлежит поселению, но работает на гармонию мира. Я помогаю не только бьярнварам и колльбьёрнам, деточка. Но и ульварам, например.

С последней фразой она указала на Микаэллу, и та потупила взор.

— А ормарры?

— Им до нас не добраться. Слишком уж топкое болото, и горная река течёт не в том направлении. Но бывало раз, я спасала молодого «змеёныша», попавшего к нам с полевыми в качестве заложника. Природа не потерпела подобного, в ту же ночь разразилась такая гроза, что едва не смыла с лица земли всё поселение. Я уговорила Хакона отпустить мальчишку, и уже по реке он сплавлялся в мирную погоду.

— Разве такое возможно? — удивилась девушка, закан-

чивая с постелью. — То есть, погода — она ведь не подчиняется людям.

— Между людьми и матушкой-природой нет подчиненных или начальников, — проговорила старуха. — Но есть зеркало равновесия, первичного баланса, который нельзя игнорировать. Вот ты задумывалась, как ты попала из замка к бьярварнам, миновав любое другое поселение, находящееся явно ближе к каменному чреву, чем наше захолустье? Нет? Вот то-то же. Задумайся.

— Я обходила звуки и шорохи, — припомнила принцесса.

— Духи леса вели тебя к нам.

Тем временем началась полноправная весна. Остатки ледяных островков впитались в землю, и та благодарно заколосилась редким волоскам свежей зелени. Природа только и ждала тепла, тут же развернув смолянистые почки с молодой листвой. На особо солнечных проплешинах расстелился ковёр сочной кислицы, а по благородным землям полезли первые дикоросы — сныть и крапива, которые местные жители тут же срезали, балуя своих домашних витаминными салатами. Зима отступила, хоть и ненадолго.

Новостей с земель замка не приходило, мир учился жить без короля тихо и смиренно, под негласной вуалью траура. Поселение бьярнваров жило свою обычную жизнь, словно и не было ужасных новостей два месяца назад.

Улицы, даже не самые оживлённые, всё чаще стали напол-

няться молодёжью, а окна таверн и торговых лавок — распахиваться настежь, приветствуя долгожданное тепло.

Две темноволосых девушки шли от реки вдоль жилых домов, сжимая в руках корыта с мокрой одеждой, когда к ним в компанию подскочила на помощь третья, стройная, голубоглазая и, судя по всему, очень желанная их компании. Селянки улыбнулись подруге и остановились для обмена новостями.

— Миа, тебя вписали в «Круги мужества», Дэгрун со Скьельдом поручились за тебя! — воскликнула восхищённая Анника. — Это так волнительно! Ты готова?

— Нет, конечно же, — вздохнула принцесса, привыкшая за время к своему новому имени. — С учетом того, что на «Кругах» соберётся оба поселения «медведей»!

Внучка местной травницы была достаточно осведомлена, что новичок мог попасть в «Круги» лишь в том случае, если за него поручится старший человек. Чтобы быть настоящим воином, мало махать мечом, тут нужна честь и благородство, уважение полевых воинов, подтверждённое старшим со стороны. Миа представления не имела, чем она очаровала кузнеца, что и он вписался за неё, но назад пути не было. Отказавшийся от участия новичок считается дезертиром и изгоняется из «Кругов» навсегда.

— Ещё и полевые воины, не забывай, — добавила Кайя, старшая сестра её подруги, игнорируя страх голубоглазой красотки. — Анника, это будет лучшее время подобрать те-

бе жениха. Все мужчины в одном месте, красивые, наряженные, сильные, статные. Самый чудесный праздник года!

Сама Кайя вышла замуж прошлой весной. Важный ритуал украсил её, помог почувствовать себя любимой и защищённой, и теперь она искренне желала того же абсолютно всем девушкам поселения, словно иного счастья и быть не могло.

— Я была на нём дважды, никто не приглянулся, — сокрушённо произнесла Анника, уже непозволительно долго гулявшая «в девках».

— В этом суть ежегодных повторений, всякий раз бойцы — разные, — заверила её Кайя. — Я верю, на сей раз тебе непременно кто-то приглянётся!

Миа лишь горько усмехнулась на легкомыслие подруг. Договорившись встретиться позже, девушки распрощались, и принцесса пошла к реке, сжимая под мышкой корыто со стиркой.

Обдумывания ни к чему позитивному не привели: очевидно, ей предстояло тренироваться с местными парнями старше неё, и меч в руке не располагал к тому, чтобы строить им глазки. Хоть многие ребята и засматривались на новоявленную жительницу поселения, та не выпускала из головы свою цель, зачем она вообще оказалась здесь.

Вечерами ей всякий раз напоминала об этом Дэгрун, с которой Миа обсуждала политику, новости и слухи по поселению. Спустя неделю или около того с того дня, как девушка осталась у травницы, та прижала её к стенке ожидаемым

разговором:

— По Хэлвегарду усиленно пошла весть, что тела королевской дочки так и не нашли после битвы в замке. Ничего не знаешь об этом? — поинтересовалась старуха, лукаво усмехнувшись, и Миа вздрогнула, испуганно мотнув головой. — Я так и думала.

Вообще было странно, что повитуха так просто приютила у себя беглянку. Без вопросов и рассуждений. Словно изначально знала, кто она есть.

— Когда ты догадалась? — поинтересовалась Миа, понимая, что спорить уже глупо.

— Почти сразу. Ничего не бойся, держись старой истории и не вздумай никому открываться здесь. Девчонку ищут не для того, чтобы вернуть домой и погладить по головке.

— Чтобы убить?

— В конечном счёте — да, — кивнула Дэгрун, тяжело вздохнув. — Она — угроза новому правительству, потому как имеет прав на престол больше, чем кто-либо другой. Но сперва её используют в корыстных целях. Только не спрашивай, в каких, у каждого мерзавца свой план по завоеванию мира.

И теперь принцесса держала этот разговор в голове, понимая, что, выжив, она оказалась в центре бушующего урагана Хэлвегарда. Какие уж тут дела сердечные? Однако она стойко играла роль двоюродной внучки травницы и привыкла уже к ней настолько, что не представляла, как раньше справлялась без её мудрых советов.

— Тебе полезно освоить бой, — заявила ей наставница, едва Миа вернулась домой со стирки. — Я редкого за кого поручаюсь, тут же просто уверена.

— Я и слова не успела сказать, Дэгрун! — возмутилась та. — Ты вообще позволишь мне самовыражаться и задавать вопросы, или так и будешь читать мои мысли?

Старуха лишь усмехнулась и, поставив ей блюдо с обедом, ушла во двор, чтобы развесить чистое бельё. Миа уселась за стол, совсем как «медведь», чуть сгорбившись и завис-

нув над плошкой. Как же замечательно, что никто не требует соблюдать надоевший до оскомины придворный этикет. Конечно, минусов от этой свободы было больше, чем плюсов, но принцесса подбадривала себя, иначе могла легко погрязнуть в унынии и горе, которые были опасны для её легенды.

Спустя неделю тренировок с местными юношами она научилась отбивать атаку меча и ухмыляться недобро, совсем по-медвежьему. Она перезнакомилась со всеми имеющимися в доступе участниками, являясь единственной девушкой-бьярнваром на «Кругах», и это позволило ей расширить поле своих информаторов.

— Как дела, Моди? — спросила она, приближаясь к месту тренировки.

— От твоего вопроса — чуть полегче, Миа, — ухмыльнулся ей кудрявый черноволосый парень, с виду всего на пару лет старше неё. — У нас в погреб пробрался какой-то хищник, сожрал часть запасов, а остальные прикопал. Лис или волк, не иначе.

— Хорошо, что на дворе весна, не помрёте с голоду с матерью, — ткнул его в бок Хьярти, сын Скьельда, явно положивший глаз на Мию ещё в кузне.

— Ну, уж умереть с голоду им не даст поселение, — не согласилась девушка, вспоминая, что мать Моди была главной поварихой в таверне. — Фрея наверняка найдет способ протянуть до первых урожайных сборов.

Обычный разговор обычной молодёжи в поселении, если

бы не зоркие глаза Мии, сканирующие тех, кто может дать хоть какую-то информацию. Однако эти парни были свободны на светлую мысль. Всё их внимание, судя по болтовне на тренировках, занимали «Круги», еда и девушки. Последних при Мие не сильно обсуждали, видимо, всё же претендуя на сердце таинственной красотки, но ей и дела не было до их чаяний: валькирия всецело отдавалась тренировке. Азарт от битвы наполнял её кровь чем-то неизведанным, словно в поселении открылись доселе спящие ресурсы и возможности.

За неделю до начала «Весенних Кругов» начали прибывать первые полевые воины. Полевыми назывались те, кто, помимо размахивания оружием и знания тактики боя, умудрялись ещё как-то выживать в лесах Хэлвегарда. Принять решение уйти в поля — это очень серьёзный и отважный шаг для мужчины, далеко не все рвались идти на передовую.

— Зачем они вообще идут в поля? — спросила как-то Миа у Дэгрун, и та ответила.

— Кто-то для заработка: за накладки и оружие побеждённых в кузнях могут дать неплохую цену. Кто-то ради званий и слухов — всё же почетно быть не просто воином, а полевым, тем более, легендарным, кто не раз выходил из смертельных схваток живым. Так же есть лазутчики, кто добывает и продаёт информацию. Простые торгаши или ремесленники тоже могут стать полевыми, вынужденные по тем или иным причинам застрять в полях: заготовка дров, восстановление сил, собирательство, да и мало ли что ещё. Но

быть полевым — всегда включает в себя выживание и защиту собственных границ.

Грозные, в подтёках засохшей грязи и крови, полевые воины стайками подходили к дому Дэгрун и, получив благословление на проживание и предстоящие игры, расходились по местам заселения.

Миа удивлялась, сколько «медведей» находятся в полях — на войне, в походах и охране. Полевые воины выглядели совсем иначе, нежели элита из кузни и таверны. Менее хилые и более поджарые, они отличались грозным норовом, отсутствием жалости и низкой эмоциональностью, а также обилием боевых шрамов. Обвешанные шкурами и оружием, походным скарбом и тяжеловесными щитами, они никого не оставляли равнодушными. Кто-то косился на полевых с искоркой страха, кто-то прерывисто вздыхал, глядя вслед бравым воинам, а кто-то понимал, что хочет быть на них похожим.

В числе последних оказалась и Миа. Отпросившись у Дэгрун на тренировку пораньше, она, стараясь не ускорять шаг, приблизилась к знакомой поляне возле реки. Там уже были все её знакомые юноши и девушки, с кем успела сдружиться за месяц жизни в деревне беглянка, в компании высоких рослых бойцов в медвежьих шкурах и накладках. Копошащаяся масса великанов подверглась допросу молодых людей, воинов знали по именам абсолютно все, кроме самой Мии. Девушка топталась у подножия поляны несмело, пока её не

окликнула подруга.

— Миа, как же замечательно, что ты пришла! — встретила её восторгом Анника, и принцессе показалось, что в той что-то изменилось.

Она вплела в волосы ленты и завязала две толстых косы, собранных в кольца, кроме того принарядилась в платье.

— Ты просто красавица! — воскликнула Миа, осмотрев подругу со всех сторон, и та зарделась.

Словно в ответ на все её немые вопросы из толпы полевых вышел рослый мужчина в широкой чёрной рубахе поверх крупного тела. Его добрые карие глаза улыбались Аннике вместе с ртом и даже, как показалось Мие, с телом, если таковое вообще возможно. Та, завидев фигуру, точно так же улыбнулась всем своим естеством, и солнце засияло с неба ярче для этих двоих.

— Познакомься, это — Айварс, он из колльбьёрнов, — представила Анника друга, и всё стало ясно. — Айварс, это — Миа, она из ульваров, но сейчас живёт у бабушки Дэгрун, пока… Пока там всё не придет в норму.

— Очень приятно, Миа, — пробасил Айварс, обнимая Аннику.

Девушка искренне порадовалась за подругу, что та, наконец, нашла себе человека по сердцу. Странно всё же будет биться против этих бравых солдат, пусть и понарошку.

Вдруг она ощутила на себе тяжёлый прожигающий взгляд. Миа резко обернулась и заметила крупного мужчину лет

двадцати двух, широкоплечего, кареглазого, без единого шрама на лице. Его борода была коротко острижена, лишь на щеках лежали гладкие бакенбарды, а голова увенчивалась обычной стрижкой, как у простого ремесленника. Под огромной чёрной шкурой он выглядел квадратным, как большой шкаф, накрытый мехом, хотя ростом был ниже по сравнению с остальными бойцами, всего на голову выше самой Мии.

— Кто это? — спросила она тихонько у нового знакомого.

— Бьёрн, — благоговейно протянул Айварс. — Ты что, не знаешь Бьёрна?

Миа отрицательно покачала головой, не сводя глаз со странного типа. Обычно все, кто сталкивался взглядом с голубоглазой девой, отводили взор, но не этот. Он, не отрываясь, смотрел на девушку, и выражение лица его оставалось статично серьёзным, отчего Миа сама потупилась, смутившись.

— Ого, похоже, и тебе Бьёрн приглянулся, — усмехнулся Айварс. — Займи очередь, красотка, он лучший! Вся деревня знает его. О, нет! Всё королевство! Странно, что ты о нём никогда не слышала. Он легенда!

— Ой, заканчивай! — прервала его вздохи Анника. — Обычный «медведь», что ты его обожествляешь? Посмотри на него? Щегол, ни одного шрама. Плюс, он слишком молод для легенды. Сколько он в полях? Два года?

Три пары глаз уставились на воина, но тот не отрывался

от Мии, словно пытался прожечь в ней дыру.

— Десять, — уточнил Айварс. — Ушёл в двенадцать лет, взяв благословление матери. Был самым молодым из полевых, команды менялись, воины уходили, а Бьёрн всякий раз возвращался, словно воскресал из мёртвых. Истинный бьярнвар!

— Я слышала, у него мать из колльбьёрнов, — не согласилась Анника.

— Его прибирают к себе и «волки», и «змеи», до того он велик и живуч! Но зовут его — Бьёрн, а не Ульв или Орм. Он — точно из наших, в каком бы поселении из двух ни родился. Увидишь на «Кругах», это лучший «медведь»!

Миа слушала их спор вполуха, потому что странный воин продолжал смотреть на неё безотрывно. И под его взором становилось не по себе, словно он видел её суть до нутра. Решив для себя не замечать его внимания, девушка старалась общаться с теми, кого знала, но всякий раз ловила на себе взгляд незнакомца.

А что, если он знал её? Если видел во дворце? Тогда ей могла грозить опасность. Нужно испытать его прямо сейчас, иначе Миа не сможет спать ночью от страха. Собрав смелость в кулак, она направилась к тому, кто не сводил с неё тёмных карих глаз.

— Привет, я Миа, — выпалила она, едва подошла к нему достаточно близко. — Я из новеньких, приехала погостить к бабушке Дэгрун.

— Бьёрн, — бросил тип.

И больше ничего. Просто продолжал смотреть на неё так, словно имел право.

— Я тоже буду участвовать в «Кругах», — продолжила она уже не так жизнерадостно.

— Постараюсь тебя не убить.

Ей показалось, или искорка усмешки блеснула в его глазах? Что себе позволяет этот тип? Пялится на неё во всеобщее обозрение, а потом насмехается?

— Я тоже постараюсь тебя не убить, — фыркнула она презрительно, потеряв интерес к задаваке.

Тоже мне легенда!

Но воина подобное отношние ничуть не смутило. Игра в гляделки продолжалась весь вечер, пока воины не разошлись с площадки для тренировок. Ушла и Миа, провожаемая десятком пар глаз новых обожателей голубоглазой воительницы. Однако отсутствие объекта неприязни перед глазами не принесло ей спокойствия, и девушка приняла решение расспросить об инциденте бабку-травницу.

— Дэгрун, а кто такой этот Бьёрн? — начала она как можно более беспечно.

Женщина замерла и уставилась на неё таким же взглядом, что и воин с полчаса назад, они что, сговорились?

— Что ты о нём знаешь? — насторожилась целительница.

— Ничего?

— Вот и не бери в голову.

Старуха вышла из избы, очевидно, разговор был окончен. Миа растерянно похлопала глазами и рванула за наставницей. Та уже собирала бельё с верёвок во дворе, опасаясь ночью дождя.

— Постой, Дэгрун, — окликнула её девушка. — Ты никогда ни о ком так не говорила! Чем он такой особенный?

— Ничем не особенный, обычный «медведь», — отрезала бабка. — Разве что дерётся уж больно ловко даже для полевого, и живучий, как пёс. Остальное мне неведомо.

Она явно темнила и недоговаривала, но сейчас от неё уже ничего не добиться, Миа это знала наверняка. Вздохнув, она принялась молча помогать женщине собирать бельё, а, закончив, вернулась в дом. Она наберется мужества расспросить завтра самого Бьёрна.

Однако на следующий день его и след простыл. От общих знакомых девушка узнала, что странный тип ушёл в короткий поход вместо общепринятых тренировок, едва успел зарегистрироваться на турнире. Вот и славно, никто не будет отвлекать её от подготовки.

Дни шли, приближая «Круги», и Миа стала брать всё более сложных соперников. Было интересно ставить себе высокую планку, поэтому за пару дней до начала соревнований девушка почувствовала себя достаточно уверенной, чтобы отважиться на бой с полевым, только нужно было найти «своего», чтобы ненароком не переусердствовал с новенькой. Под такого противника идеально подошёл Айварс, па-

рень Анники, который перед тренировочным боем так же пообещал постараться её не убить.

— У вас кодекс чести такой что ли? — возмутилась принцесса. — Защищайся!

Их мечи ожесточённо скрестились, лязгнув, отчего Аннika вскрикнула и прикрыла рот руками. Удар, ещё удар. Поворот, и снова удар. Защита блоком, присела, ещё присела.

— Бейся честно, хватит меня жалеть! — рявкнула грозно Миа. — Это программа для новичка, который никогда меч в руках не держал! Что ты за воин с таким ударом?!

Айварс размахнулся и с яростным рыком бросился на провокаторшу. Уже лучше. Юркая и ловкая Миа увернулась от выпада и пригрела бугая по спине плоской частью меча. По столпившимся зевакам прокатился возглас изумления. Айварс поднялся и, стряхнув с лица чёрные комья земли, снова пошёл в атаку.

Вскоре уже половина деревни собралась вокруг, чтобы посмотреть, как девчонка дерётся с полевым «медведем». Все знали смысл «Весенних Кругов мужества». Нужно биться в полную силу, но ни в коем случае нельзя поранить соперника мечом. Идеальный контроль своей силы и слабости.

Шрам на брови Айварса побагровел от гнева, когда он в третий раз уступил семнадцатилетней девице, играючи справляющейся с оружием. Он поднялся с земли и воткнул в неё клинок, сдаваясь.

— Ты — бравый воин, Миа. Спасибо за урок!

— Как? И это всё? — разочарованно протянула принцесса.

— Да. Я потерял контроль над собой, и в моём сердце зародилось желание победить любой ценой. Я проиграл.

Парень говорил это ровным, даже радушным тоном, и Мие подумалось, что он просто устал проигрывать, поэтому и пошёл на хитрость.

— А разве не это нужно для победы? — скривилась девушка.

— Нет. Для победы нужно уважение соперника, — принялся за лекцию проигравший; к нему как раз приблизилась Анника, заняв объятиями руки воина от дальнейших боевых действий. — Нельзя терять цель, ради чего ты начал битву. Я взялся обучать тебя боевому искусству, но разозлился за твои насмешки. Воин проигрывает, когда теряет цель.

— Так говорил Бьёрн в последнем походе, — зачарованно протянул рядом молодой полевой, ещё не лишившийся тощей бороды, а значит, не убивший ни одного соперника.

От имени задаваки по толпе тренирующихся прошёлся благоговейный рокот, а Анника восхищённо уставилась на своего парня, поражённая его мудростью.

— А есть кто-то, кто не бьётся по правилам Бьёрна? — возмутилась Миа, и странные взгляды посыпались в её сторону. — Что? Что я не так сказала?

— Это не его правила, Миа, — шепнула ей подруга. — Это правила всех северных воинов.

Всю ночь перед первыми «Кругами» принцесса не спала, слушая, как капает концентрированный экстракт первых трав в аппарате Дэгрун. Завтра начнутся соревнования, снадобье может понадобиться, если воины заиграются и не смогут затормозить себя в бою. Из головы не выходила странная картина разъярённого полевого гиганта Айварса, который сегодня проиграл Мие. Она и меч-то в руках держала от силы месяц, откуда у неё такие способности?

Утром, едва рассвет забрезжил на кронах исполинских сосен, девушка оделась, наспех перекусила лепёшкой, предусмотрительно оставленной травницей на столе в полотенце, и вышла на северную зарю. Холодный воздух живо её взбодрил, заставил проснуться. Миа склонилась к жидкой траве и, намочив руку о росу, умыла ею лицо. Так-то лучше.

Птичий гомон и яркое солнце обещало добрый день для «Кругов». Участница битв начала нервничать ещё на подходе к привычной поляне, которая к её удивлению оказалась пуста. Немыслимо, исчезло абсолютно всё: инструменты по заточке, столики и скамьи, принесенные организаторами мероприятия для удобства тренирующихся, и ящик с оружием. Недоуменно оборачиваясь, она не нашла никого, кто мог бы ей ответить на вопрос, и девушка вернулась назад в избу, чтобы расспросить у Дэгрун.

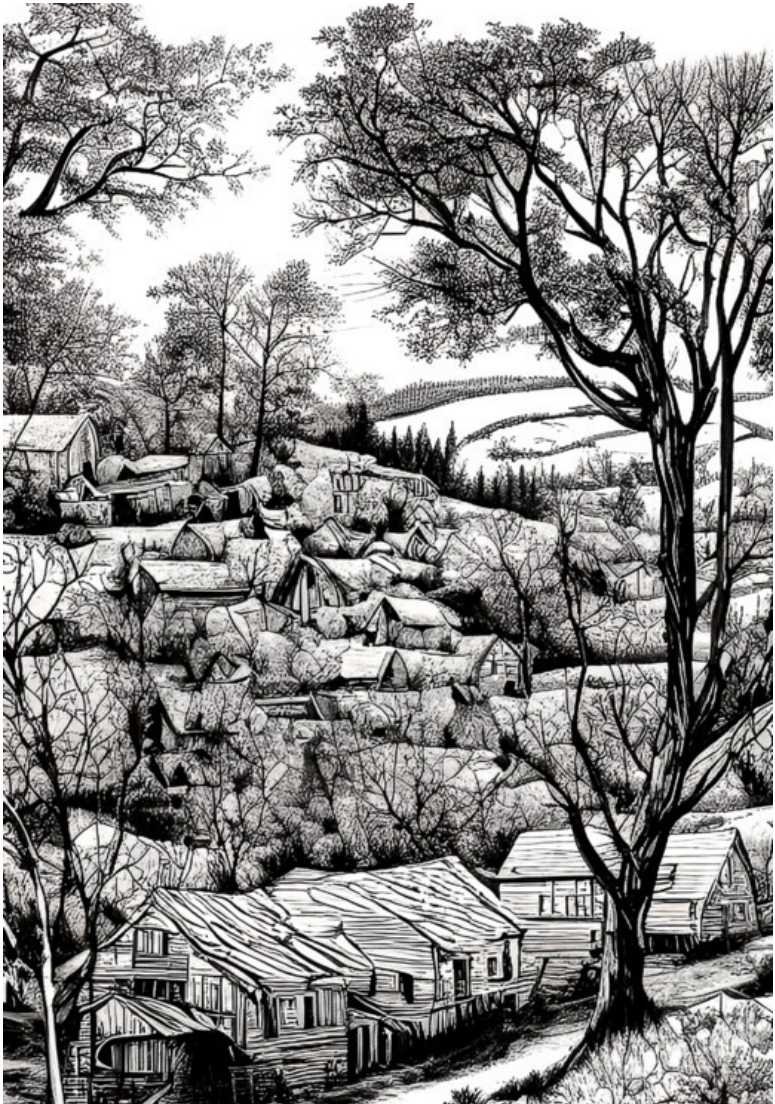
Бабка топталась возле печи, помешивая какое-то варево.

— Дэгрун, куда делись «Круги»? Я вышла на поляну к реке, а там никого, ещё и мечи куда-то пропали!

— На озеро, разумеется! — заявила травница, будто Миа должна была это знать по определению. — Никто не проводит их в месте тренировок. К тому же в эти дни мы встречаем наших соседей, коллльбьёрнов, устраивая переправу на рукаве озера на неделю. Единственное время, когда возможно объединить воинов двух деревень.

— А это не опасно?

— Посмотри на это по-другому. Столько оружия и бойцов на общем клочке земли априори не может быть опасным, никто не хочет погибнуть в братской могиле. Тем более, весна пробуждает совсем иные чувства в молодых мужчинах, не войну.



Миа уже и так заметила излишнее внимание участников в адрес многочисленных девушек поселения, они явно красовались на этих соревнованиях. Тем же это нравилось, девицы украшались ранними цветами и яркими одеждами, надевали свои лучшие наряды и повязывали ленты. У принцессы это всё вызывало лишь брезгливую усмешку. Нет, Миа явно была больше воином, чем соблазнительницей.

— А где озеро? Как туда добраться?

— Ты что, карту Хэлвегарда никогда в глаза не видела? — пожурила её наставница. — Очевидно, в обратную сторону от поселения и реки. Молодёжь пошла, сами ничего не могут.

— Спасибо, — буркнула Миа и вышла на свет.

Разберётся, не маленькая.

Уже у леса с противоположной стороны она заметила излишнее движение людей, поэтому найти проход к вожделенной поляне труда не составило. По пути она встречала суетливых подростков, которым было отведено в «Кругах» очень несолидное место оруженосцев, своих сверстников и молодых людей, чуть старше неё самой, участников боя. И полевых, которых всегда боялись на «Кругах».

Дело в том, что полевой воин с одной стороны имел сильнейший самоконтроль и обширнейший опыт, а с другой — мог стать для любого сельского участника экзаменом навылет, прервав славную карьеру «Круговых» соревнований.

Мощные и уравновешенные полевые были на порядок сильнее любых других людей в поселении, они являлись прекрасной практикой для тренировки навыков. Хоть на их фоне ни у кого другого и не было шансов.

— Каждый участник всё равно сразится хотя бы с одним полевым, старшие очень чётко следят за этим, — наставляла Мию Анника ещё во времена рассказов о «Кругах». — Полевым, конечно, не интересно уже биться с детьми, они стараются с ними поосторожнее, но это очень жестокие бои, вот увидишь. Девушкам в них не место.

— А разве девушек полевых не бывает?

— Нет, — поморщилась Анника. — Странный вопрос, представь себе разъяренную полевую женщину, закованную в медвежьи шкуры и кожистый корсет. Брр!

— А мне нравится, — усмехнулась Миа.

Сегодня девушка не отказалась бы от накладок и корсета. Чувствуя себя глупо в своей рубахе и мохнатой жилетке, она надеялась, что бойцам дадут хоть какую-то защиту. И не ошиблась.

На подходе к установленным деревянным трибунам, возвышающимся вокруг помоста для сражений, на регистрационном столе возвышался большой деревянный ящик, в котором покоились железные нарукавники и широкие пояса.

— Можно? — спросила девушка у стоявшей рядом темноволосой женщины лет тридцати с подбритыми висками и красивым толстокожим корсетом на талии.

— Участница? — спросила та и Миа кивнула.

Женщина отметила её имя в списке соревнующихся и пододвинула к ней ящик, позволяя выбрать. Там в свалке звенящей снеди нашлись удобные широкие браслеты на мягкой подложке и пояс с ножнами для меча, которого у Мии пока не было.

— А где можно взять такой же корсет? — спросила она женщину, кивнув на её осиную талию, затянутую в тугую толстую броню, и та заинтересованно оглядела девчонку.

— Ты ведь внучка Дэгрун, верно? — уточнила, наконец, она. — Приходи после сегодняшних «Кругов» в кузню, я тебе подберу. Редко кому нравится подобное, но у меня есть в закромах немного женского снаряжения. Зайдешь, скажешь на входе, что к Герде — это я.

Сердечно поблагодарив Герду, новоявленная воительница двинулась к поляне, оборудованной под соревнования. Огромный помост с круговой красной разметкой приподнимался над мягкой лесной подстилкой не выше щиколотки. Со всех сторон, кроме одной со столом для жюри, его окружали высокие трехъярусные трибуны, дальняя из которых вмещала на самом верхнем ярусе два огромных кресла вместо ряда скамей. Троны для правителей, не иначе. Над помостом растянулись ленты с разноцветными флажками и тематическими украшениями, напоминая, что «Круги» — это больше весенний праздник, чем драка. Вся картина переливалась в кружевных лучах тёплого солнца, пробивающегося

мягкими пучками сквозь кроны деревьев.

Миа несмело пошла кругом сооружений, присматриваясь и привыкая. Тут она и увидела Аннику с Айварсом, стоявших сбоку от правой трибуны. Влюбленная пара не то любовалась красивым убранством поляны, не то красовалась на ней своими яркими счастливыми улыбками. Они махнули подруге рукой, и Миа приблизилась, горделиво показывая щитки на запястьях.

— Детский лепет, — отмахнулся мужчина. — Бьёрн вообще сказал, что и «Круги» уже не те, раньше в них детей не пускали.

Пренебрежение, которым сквозила речь Айварса, не понравилось Мие, и даже немного разозлило. Видимо, у задаваки и друзья были под стать предводителю. Захотелось вдруг сейчас же вызвать этого верзилу на бой, чтобы напомнить, с кем имеет дело, но правилами «Кругов» со дня начала соревнований остальные битвы в обоих поселениях были запрещены.

— А где, кстати, твой Бьёрн? — поинтересовалась девушка с ноткой вызова.

— Представления не имею, он не отчитывается, — отмахнулся тот добродушно. — Наверняка имеет занятия поинтереснее, чем первые три дня соревнований. Сегодня вообще одни новички, ты видела списки? Бред, да и только.

Не желая ссориться с парнем Анники, Миа переключилась на подругу. Та с восторгом разглядывала её браслеты,

а когда девушка похвасталась приглашением Герды, то и вовсе поразилась услышанному.

— Герда никого просто так не зовёт к себе! Ты ей точно понравилась.

— Кто она? — спросила Миа, а сама зависла взглядом на регистрационном столе поодаль от трибун.

Там обсуждаемая ими женщина вносила пометки в список, пропуская участников соревнований, и предлагала им порыться в ящике с экипировкой. Многие отказывались, но некоторые всё же выбирали себе украшения по вкусу. Герда казалась грустной, зажатой, и от этого немного воинственной и грозной. Нос горбинкой придавал её лицу орлиный профиль, а длинные тёмные волосы с макушки разлетались свободным каскадом на ветру. Красивая, сильная, но несчастная.

— Одиночка, — ответила Анника. — Лет шесть назад появилась в поселении, говорят, была влюблена в полевого коллльбьёрна, но он не вернулся из похода. С тех пор ни с кем не встречалась. Тоже любит мечи и топоры, прям как ты.

Миа улыбнулась на последнее замечание. В этот момент Герда перехватила её взгляд и ответила новой знакомой улыбкой, став в момент ещё красивее. Тёплый контакт зародился между ними, и принцесса порадовалась ещё одной подруге в поселении. Дэгрун, конечно, прекрасна как старшая женщина, но уж больно она стара для советов в некоторых делах.

Вдруг откуда-то из-за трибун с тронами послышался близкий плеск воды. Только сейчас Миа заметила в негустых кронах деревьев серебристые в лучах солнца переливы озера. Плеск сопровождался бравыми речами, смехом и дружественными репликами, и вскоре из жидкой растительности на берегу стали показываться приезжие колльбьёрны. Они шли и шли шумной вереницей, переговариваясь, будто половина деревни прибыла на турнир. Мужчины, отметившись у Герды, рассаживались по трибунам напротив как будто в чётко отведенные им места, оставляя промежутки для вновь прибывающих.

Среди бойцов затесалась одна девушка, задержавшаяся возле регистрационного стола больше остальных. Закованная в кожистые накладки, как сама Герда, девушка крепко обняла знакомую работницу кузни, и та по-доброму погладила ей спину, говоря что-то подбадривающее на ухо. Девушка печально улыбалась и кивала головой.

От странной пары Мию отвлекла другая, не менее странная. На тронное место поднялись два человека: одного принцесса уже знала — это был Хакон, правитель деревни, а вот второй оставался ей незнакомым. Лет двадцати пяти, кареглазый, гладковыбритый с чуть удлинёнными тёмными волнистыми волосами, он отличался от присутствующих очевидной грацией и статусностью, ровной спиной и надменной ухмылкой.

— Кто это? — спросила Миа у Анники.

— Это Тристан, наш принц, — отозвалась подруга, став не по ситуации напряжённой и кроткой.

Миа замерла. Именно о нём рассказывала Дэгрун, когда заключала контракт с иноземной гостьей на шпионаж, и похоже она нашла первый источник информации.

— Что с ним не так? — уточнила принцесса, стараясь говорить тише, насколько позволял гомон с трибун.

— Почему ты решила, что с ним что-то не так? — ещё больше напряглась Анника.

— По твоему выражению лица. Рассказывай, я новенькая, мне бы не хотелось с ним столкнуться в чаще леса, не понимая, с кем имею дело. Чем он тебе так не нравится?

Местная девушка глянула по сторонам, проверяя, что их никто не слышит, склонилась к самому уху Мии и начала вещать:

— Не приведи Богам тебе с ним вообще когда-либо столкнуться. Поговаривают, он очень жестокий, Миа. Особенно, по отношению к девушкам. Его мать несколько лет назад убил его же отец, как потом официально заявили, за измену, но в поселении не нашлось ни одного мужчины, кого бы казнили вместе с ней. По мне так Хакон просто набрался сверх меры и неудачно приложил бедняге. Не в первый раз, я тебе скажу. Спроси у Дэгрун, она часто помогала женщине убрать следы побоев с лица.

Холод пробежал по спине принцессы, теперь и она заозиралась, не подслушивает ли кто их разговор. Но нет, поляна

занималась своими «Круговыми» вопросами, не сильно обращая внимания, о чём по весне щебечут две симпатичные девушки.

— Ужас какой, — ахнула Миа по окончании истории. — Почему эти люди всё ещё на троне правителей?

— А где же им быть? Никому нет дела до нашей «медвежьей» провинции, мы, видишь, куда забрались? Подальше от замка. Поговаривали, король Стефан хотел навестить наше поселение для проверки порядков, но не успел. Убили его.

Миа замолкла. Упоминание об отце погрузили девушку в печаль, и она, ни разу не вызванная на бой в этот день, прожила свои чувства потери родителей в полной мере. Очень вовремя.

Когда последняя пара драчунов ушла с помоста, оцениваемая жюри, принцесса вышла из задумчивого анабиоза и решила проверить списки бойцов: когда же предстоят её выступления? Она приблизилась к столу судей, опустевшему, едва воины закончили сражения, и вместе с Гердой оценила обстановку. Два боя её ждали на третий день, пять — на четвёртый и три — на шестой. Последний бой будет с полевым, это девушке обещали многие люди, и работница кузни подтвердила традиционный план судей на любого новичка. Миа сжалась от волнения и неуверенности в себе.

— Не дрейфь, ты справишься, — ободрила её Герда. — Ты отлично дерёшься, я видела на тренировках. Меня больше волнует Хильда из колльбьёрнов, ещё одна девушка в

этих «Кругах», помимо тебя. Она недавно потеряла отца в битве у замка, и ей придётся тяжко. Горюет сильно.

Миа едва не призналась женщине, кто она такая на самом деле, и где её истинная семья. Но нет, правда о ней в этом поселении ни к чему хорошему не приведёт. Вместо этого принцесса вызвалась проводить новую знакомую до кузнечной мастерской, куда её звали в конце дня за обновками.

Вся деревня была заполнена мирно гуляющими бойцами. Таверны забились до отказа, ночлег для гостей-колльбьёрнов оборудовали на той самой поляне на реке, где проходили тренировки. Повсюду сновали наряженные девицы, и воины провожали их восхищёнными взглядами. Воистину, «Круги» были и смотринами, и сводниками.

Внутри жаркого помещения кузни оказалось полно народа. Отовсюду слышался стук молотов, правящих ученическое железо, крик кузнецов и даже ругательства.

— Хьярти, не перегревай мечи! — наставлял сына владелец кузни. — Иначе твой безрукий напарник наделает в них дыр молотом. А ты, Карл, не лупи так! Ты что, не видишь зазубрин на железе? Вы мне все заготовки попортите! Как в первый раз, честное слово! Привет, Миа!

Улыбка Скьельда затмила все остальные, обращённые к вошедшей девушке, и та поприветствовала всех собравшихся сразу.

— Что вы творите? — возмутился Скьельд, оценив работу молодёжи, засмотревшейся на гостью. — Боги, зачем я

набрал на работу детей?!

Игнорируя причитания старшего, Герда миновала общую печную и скользнула в чуть приоткрытую дверь в углу. Там располагалась крошечная каморка кожемятной мастерской с односпальной кроватью и рабочим столом. Узкие деревянные полочки были уставлены стаканами со стамесками и резаками разных видов, открытая этажерка на железных ногах вмещала в себя обрезки тяжелых шкур, рулоны обработанной кожи и мотки шнуров, а стены — завешаны полотняными мешочками с чем-то тяжёлым. Всё в идеальном порядке.

— Это моя берлога, — сообщила гостье Герда. — Если прикрыть дверь, то она даже тихая и уютная.

— Тут просто чудесно! — воскликнула Миа.

Она восторженно разглядывала комнатушку, такую серьёзную и железную, но при этом женственную и творческую. Хозяйка заметила её интерес и решила проявить активность. Она принялась вынимать сырье и материалы, показывая гостье возможности, и та вовсе обомлела.

— Неужели из этого всего можно творить женскую экипировку? — поразилась Миа.

— Вообще-то, боевой экипировкой это не назвать, кожа ведь не металл, не защитит, как доспехи. Больше наряд. Но да, любой каприз можно воплотить в жизнь, — отозвалась Герда, любовно раскладывая на столе свои готовые изделия. — Заказы идут в основном от мужчин, женщины редко интересуются подобными вещами. А из молодых девушек ты

вовсе единственная.

Перед носом Мии укладывались оружейные пояса разной ширины и назначения, портупеи с ножнами, бедренные ремни с кармашками и упряжками, следом пошли нарукавники и накладки на плечи из толстой одеревеневшей кожи, замшевые брюки, так похожие на наряд принцессы, но уже и вычурней, и чехлы для оружия.

— Вот бы и мне научиться творить такое! — выдохнула зачарованная девушка.

— Летом я на сборах трав, но с первыми морозами вернусь в кузню. Приходи, учись, твори. Буду рада твоей компании.

Вне себя от радости, Миа не удержалась и обняла подругу, а та рассмеялась. Договор был заключён, осталось дождаться осени. Но сперва нужно было пережить лето, а перед ним — «Круги». Вспомнив, зачем пришла, Миа выбрала себе плотный корсет из буйволиной кожи, ладно севший на её талию. Совсем, как у Герды. По бокам он имел петли для ножен и горлышка бурдюка, являясь ещё и походным поясом, и теперь Миа напоминала настоящую полевую воительницу.

— Не удивлюсь, если ты выиграешь турнир, — усмехнулась Герда, восторженно разглядывая ладную фигуру девушки. — Воины, конечно, сильные и ловкие, но против такого соблазнительного соперника сложно выбрать приём.

Кузнецы оказались с ней солидарны. Совершенно очарованный Скьельд подозвал к себе Мию и вручил ей необыч-

ный меч, не по заготовкам маленький и покрытый ажурной гардой. Девушка сжала его в руке и обнаружила, что эфес клинка гораздо лучше ложится в её хрупкую девичью ладонь, чем общепринятое оружие, рассчитанное на мужчин. Счастливая и одарённая невероятно важными для неё вещами, принцесса покинула кузню, готовая к «Кругам».

Теперь у Мии были всего одни сутки, чтобы потренироваться с новым боевым инструментом, и делать это с партнёром по уставу соревнований было нельзя. Девушка вернулась в дом Дэгрун радостная и расстроенная одновременно, что, конечно же, не ускользнуло от внимания травницы.

— Жаль, Бьёрна нет, — посетовала та, выслушав жалобу. — Ему наплевать на правила «Кругов», впрочем, как и на любые другие правила.

И Миа впервые оказалась солидарна с собеседником по отношению к этому странному «медведю». Если он — единственный человек в поселении, кто может дать ей учебный бой, то, несомненно, это очень хороший человек. Наверное.

— Где же он? — внезапно возмутилась девушка, будто боец уже дал согласие и вдруг исчез. — Почему не тренируется? Почему не участвует вместе со всеми?

— Ему не нужна тренировка, — ответила бабка, глянув на неё как-то подозрительно. — Прибудет в последний день, вот увидишь.

Не собиралась она ничего видеть, особенно того, что связанно с Бьёрном. Перед мысленным взором стояла его

усмешка, когда тип пообещал её не убивать на соревнованиях, и Миа не могла простить такой дерзости по отношению к себе. Видимо, королевская кровь давала о себе знать.

Вопреки своим страхам и опасениям, первые бои она выдержала легко. В пару ей дали смельчака Моди, тощего сына трактирщицы, кузнеца Хьярти, такого же новичка, как и сама Миа, и его напарника Карла. Всех ребят принцесса знала, с каждым из них уже дралась, а потому и не переживала особо. Зато опробовала на деле своё новое оружие, которым до этого лишь рассекала воздух в сумерках на заднем дворе дома Дэгрун.

Дни сменялись один другим, «Круги» продвигались вперёд. Кто-то, проиграв больше пяти соревнований, вылетал с турнира, но не расстраивался, а занимал верхние зрительские трибуны. Мие же откровенно говоря везло. Всю победу она, конечно, приписывала Скьельду, так вовремя давшему ей удобное оружие. К последнему дню состязаний девушка оказалась в недлинном списке тех, кто не потерпел ни одного поражения. Эта новость повергла Аннику в дикий ужас.

— Миа, на последний бой тебе могут дать просто отпетого урода! — проныла она испуганно — Ты не представляешь, насколько агрессивны бывают полевые, это ужасно страшно.

Стараясь не паниковать раньше времени, принцесса просто наблюдала за боями.

На последний день «Кругов», как и пророчила старуха, вернулся всеми любимый Бьёрн. Задумчивый и безрадост-

ный, сильно заросший лицом и немного бледный, или Мие показалось, он уселся на трибуны напротив, словно и не опаздывал на турнир. Жюри заметили полевого воина и тут же дали подряд все полагающиеся ему бои, которые Бьёрн отбил играючи. Ему даже не позволили отдохнуть с дороги или сделать перерыв между спаррингами, просто поставили соперников (а некоторые значительно превосходили его по габаритам и ярости) на поток, уму непостижимо!

В простой чёрной рубахе с закатанным рукавом, без накладок, отличительных стрижек, шрамов и знаков, воин выглядел простым ремесленником. Если бы не стойкое ощущение, что Бьёрн растворяется в битве и противнике, изучая его. Это завораживало и пугало, но совершенно исключало возможность отвести взгляд. Миа сама не заметила, насколько увлеклась зрелищем, пока Анника не одернула её:

— Миа, сядь сейчас же, иначе ты вывалишься за перила на помост.

Девушка и не заметила, как подалась далеко вперёд. Бьёрн действительно очень искусно управлялся с мечом, буквально был его продолжением. Мягкая поступь, гибкий стан, но при этом мощь мышц и ударная сила вызывали восхищение.

И не только у неё. За их спинами с верхних ярусов доносились смешки и вздохи прекрасного пола, явно восхищённого воином не меньше.

Наконец, шоу закончилось, и полевая легенда под жидкие аплодисменты поклонниц и друзей вернулся на своё ме-

сто. Мию передёрнуло от отвращения, хотя сердце ликовало от восторга и гордости за виртуоза, вот так одновременно. Бьёрн же, приняв поздравления от приспешников, перевёл взгляд на принцессу, чистый и уравновешенный. И девушка вдруг поняла, что отвращение вызвано не самим воином, а реакцией людей на него. Сам же мужчина благоговейно трогал внутри неё желание научиться так же управляться со своим телом и оружием. Неверно расценив её продолжительный восхищённый взгляд, воин усмехнулся, и Мие стало не по себе, словно её застукали за подглядыванием.

Следующим полевым на испытание вышел Айварс. Чуть более громоздкий, чем Бьёрн, и немного менее гибкий, он прошёл свои три оставшихся боя, провалив один более старшему «медведю». Анника всеми силами болела за своего парня, вскрикивала и охала, а в конце и вовсе спряталась за Мию, когда черноволосый колосс свалился ничком на помост. Но после этого встал, отряхнулся и с улыбкой вернулся назад на трибуны колльбьёрнов.

— Я чуть не умерла от ужаса! — выдохнула Анника, когда битвы остались позади. — Если они так же сражаются в полях, нужно будет попросить его заканчивать с этим.

— С чем, с полями? Или с битвами? — не поняла Миа.

— И с тем, и с другим. Ужасно опасно вот так махать острыми клинками, они ведь и поранить могут! Если Айварс пострадает, я не переживу, я так долго его искала!

— Но это эгоистично! — возмутилась принцесса. — А ес-

ли бой — это единственное, что человек делает великолепно? Если это его предназначение — изучить войну настолько, чтобы нести в королевство мир? Если он, по сути, и делать больше ничего не умеет, кроме как прекрасно ощущать себя, противника и оружие?

— Переучится, — просто отозвалась Анника. — Мужчина нужен дома для помощи по хозяйству, воспитания деток и совместных вечеров за кружкой чая. Если сил хватало рубить мечом, то и дрова нарубит без проблем.

Миа лишь развела руками, заканчивая бесполезный спор. Видимо, у девушек были разные ценности, в том числе и семейные, но это не мешало им дружить.

Тем временем на сцену попарно стали выходить остальные полевые, как раз те, кого Анника назвала «отпетыми уродами». Мужчины рычали, страшно оголяя клыки, и запугивали противника, который был одержим не меньше них. Зрелище так себе. Однако, несмотря на свою агрессию, ни одна капля крови не пролилась на помост, всё было строго в рамках правил.

Наконец, жюри объявили перерыв на обед, и трибуны частично растянулись по тавернам. Есть не хотелось, поэтому девушки решили остаться на поляне.

— Почему он на тебя так смотрит? — вдруг воскликнула Анника возмущённо, и Миа перевела взор туда, куда устремлялись глаза подруги.

Как и следовало ожидать, она упёрлась в знакомые карие

зрачки полевого бойца. Весь день Миа старалась не замечать прожигающий взгляд Бьёрна на себе, такой же, как в тот самый первый день их знакомства. Только на этот раз ей совсем не хотелось подойти к нему для разговора.

— Я не знаю, — ответила она.

Вскоре с обеда вернулся Айварс и забрал Аннику на прогулку перед финишными боями. В завершение турнира стояли столкновения новичков с полевыми, и на эти битвы стекалось максимальное количество зевак.

Миа осталась одна на своей скамье всё так же под наблюдением безотрывного взгляда Бьёрна. Вдруг, устав от него бегать, она подняла взор на противоположные трибуны и откинулась на жёсткую спинку. Два воина остановили смелые взгляды друг на друге и просидели так довольно долго. Бьёрн иногда усмехался, словно находил в девушке новые черты лица и характера, которые его веселили, пару раз приподнимал бровь, явно смущаясь столь пристального внимания голубоглазой девы, а однажды и вовсе попытался спрятаться в зачистке своего оружия, не имея иных объектов взаимодействия рядом с собой.

Что касается Мии, то та вообще пережила внутри себя маленькую войну. Такого продолжительно зрительного контакта в её жизни не было никогда и ни с кем, однако девушка держала его, словно из принципа, в бою с полевым «медведем». Внутри то и дело что-то раскрывалось, расходясь по телу принцессы волнами то жара, то холода, а в конечном

итоге и вовсе замерло. Хотя Миа могла поспорить, это самое внутри неё никак не должно замирать.

К моменту, когда к «Кругам» стали стягиваться назад участники и зрители, девушка ощутила вполне отчётливое опьянение. Слабость и нега разобрали её тело на части, голова немного кружилась, а зрение не могло больше сфокусироваться ни на чем, кроме Бьёрна. Более того, внутри груди раскрылось что-то живое и тёплое.

От озера вернулись Анника с Айварсом и разбили, наконец, их безотрывный взгляд. Мужчины принялись что-то обсуждать, Бьёрн хмурился, но кивал головой.

— Мы с Айварсом вместе! — сообщила счастливая Анника подруге.

— И он больше не будет полевым, да? — угадала она, считав разочарование на лице предводителя воинов.

— Да, чему я очень рада. Он любит меня и хочет быть рядом, это невероятное счастье! Айварс обещал поговорить с Бьёрном, что больше в битвы — ни ногой.

— Уже, — мрачно доложила Миа.

По непонятным причинам ей стало горько за команду полевых, хотя по всем законам логики должно, наоборот, быть радостно за подругу. Анника много лет искала своего человека, и вот нашла. Однако Миа почему-то расстроилась от её выбора, словно была не на её стороне.

На тронную трибуну вернулись с перерыва правители, а за стол судей — команда жюри, очевидно, обедавшие вместе.

Поляна ещё повозилась, усаживаясь, но вскоре всё стихло, оставив только шорох ветра по кустам и чирикание редких птиц.

Начались самые ожидаемые бои «Кругов», самые жестокие и безвыходные. Полевые бьярнвары и колльбьёрны проверяли молодняк на стойкость и выдержку. У новичков тряслись коленки от одного их вида: подбритый с висков череп и боевые рисунки на лице, огромные тела, прокачанные походами и аскезами, ярость и при этом сильнейший контроль за ситуацией.

— Для чего они это делают? — изумилась Миа, наблюдавшая предыдущие бои полевых с меньшим количеством злобы.

— Запугивают, — просто ответила Анника. — Это своего рода проверка новичков, хотят ли те быть воинами. Их ведь выдвигают старшие, а потому неясно, есть ли у них собственные мотивы идти в бой. Обычно в «Кругах» становится понятно, будет ли мужчина воином или останется обслуживать поселение изнутри. Полевые так спасают их от реальных опасных боёв, ведь лучше понять свою неготовность на помосте, чем на поле с бойцами. Это Айварс рассказал только что.

Чем больше девушки наблюдали за финальными боями, тем больше ужаса читалось в их глазах. Казалось, полевые запугивали не своих щуплых соперников, но зрителей, чтобы те знали, с кем имеют дело.

Миа сжалась, в ожидании своего имени. Она наблюдала, как знакомых ей парней одним ударом размазывают о доски помоста, и проливается кровь от их падения лицом вниз. Но всё в рамках правил, мечи оставались чистыми.

Вот на ринг вышла та самая Хильда, за которую переживала Герда. Коренастая, сильная и уверенная в себе, она неплохо отбила первые три удара меча полевого «медведя», возвышавшегося над ней на две головы. Пока не получила локтем в нос. Тот хрустнул, залив низ лица девушки кровью. Хильда бросила оружие и со стоном схватилась за больную часть, но противник не остановился на этом. Он ухватил девушку за плечо и с размаха уложил на доски настила, потому что по правилам ринга побеждённый должен упасть на пол телом.

— Запугивают, говоришь? — еле промямлила готовящаяся к битве девушка.

— Боже, — простонала Анника, наблюдая, как потерпевшую уводят с «Кругов» под руки.

— А если я откажусь от боя?

— Тогда ты признаёшься дезертиром и изгоняешься из «Кругов» навсегда.

Списки подходили к концу. Помост покрылся бурыми лужами, кое-где поблескивающими в редких лучах послеобеденного солнца. По поляне разлился отчётливый металлический запах крови, останавливая новобранцев на половине пути: вот уже третий новичок отказался от боя. Принцесса так сильно перенервничала, что, когда услышала своё имя,

не сразу поняла, что дело касается её.

— Миа из ульваров, — объявил старожила, разглядывая записи, — и Бьёрн из колльбьёрнов.

Гомон затих, и даже не сильно заинтересованные битвами повернулись к сцене. Оба бойца замерли, уставившись друг на друга, словно за целый день не насмотрелись. Руки девушки вмиг охладели и задрожали, а глаза забегали по толпе. Тот, кто ещё недавно казался ей на помосте восхитительным, вдруг стал смертельно опасным. Бьёрн взглянул на неё точно таким же испуганным взглядом, или ей это показалось, потому что, поддерживаемый своей командой полевых, он всё же выбрался на помост.

— Не ходи, Миа, — прошептала Анника. — Ты можешь отказаться.

Ну, уж нет! Ей нравятся «Круги», хоть и с множеством уточнений. В конце концов, если непобедимый Бьёрн расквасит ей нос, то на её счету будет бой с самым несокрушимым бойцом «медвежьих» поселений. Тяжело вздохнув, она выползла с трибун, сжимая свой казавшийся крошечным теперь меч.

Молодой человек не сводил с неё глаз, вроде бы, как обычно, да не так. Сейчас он буквально впитывал каждой своей частью любое её движение, любой вздох, растворялся в ней целиком своим внимательным взглядом, проверял её, провоцировал, прозванивал. От этого начало мутить, поднимая успевшее улечься опьянение. Противники поклонились друг

другу, оголили мечи и принялись обходить сцену, но ни один из них не отваживался начать бой первым.

— Если вы отказываетесь от участия, то изгоняетесь из «Кругов» оба, — доложил один из относительно молодых жюри.

И, словно в ответ на его реплику, мужчина взмахнул мечом, приземляя его на макушку Мии, та едва успела поставить блок. Ещё удар, ещё. Не такой уж он и страшный, этот Бьёрн, вполне себе простые удары. Она довольно просто отражала натиск, и даже пару раз смогла замахнуться сама.

Принимая бой от непобедимого воина, Миа втянулась в игру и налилась азартом. Вот она уже освоилась и стала биться в полную силу, нападая больше, чем защищаясь. Но, как только она почувствовала вкус тщеславия, ей прилетел очередной удар по мечу такой силы, что выбил его из рук, и тот с треском вошёл в бревенчатую стойку трибун на две трети длины. Участница ринга уставилась на сверхсильного противника, вдруг осознав, насколько он её щадил все предыдущие удары, поддаваясь. Понимая, что ждет её дальше, она одними губами прошептала: «бей!»

Готовая к удару, который свалит её с ног, Миа зажмурилась в ожидании.

Вдруг по толпе прокатился вздох разочарования, которую пресёк властный голос старожил:

— Миа из ульваров выиграла бой! Бьёрн из колльбьёрнов выбывает из участников «Кругов», навсегда. Желающие

оспорить данное решение могут высказаться.

Тишину никто не нарушил. Девушка распахнула глаза и увидела удаляющуюся спину бойца, сжимающего в руках меч. Проходя мимо её оружия, застрявшего в бревне, он одним махом выдернул его и бросил на помост к её ногам. Миа не смела даже дышать, переваривая его поступок.

А потом разум догнали слова судьи.

— Я против! — выпалила она. — Так нельзя! Нельзя его изгонять, он лучший воин. Посмотрите на него, неужели вы бы хотели, чтобы он разбил мне лицо так же, как поломали Хильду? Это бесчеловечно!

— Миа! — ахнула Анника с соседней трибуны.

— Никто не звал тебя в «Круги», девочка, раз тебе страшно пролить кровь, — не согласился один из жюри.

— Меня выдвинула бабушка, как и любого из новичков! — возмутилась Миа.

Она чуть не плакала от злости и бессилия, стоя на помосте, пока старожилы совещались. Бьёрн при этом с совершенно спокойным лицом уселся на свою трибуну, прямо перед носом принцессы, и смотрел на неё в упор. Девушка безмолвно извинялась перед ним, что из всех новичков турнира ему досталась именно она, и Бьёрн, как ей показалось, слегка усмехнулся.

— Мы рассмотрели твой протест, Миа, — начал речь огромный бородатый полевой, явно прошедший многое в битвах. — И можем сказать следующее. По итогам «Кругов»,

ты — единственная, у кого нет ни одного поражения. Если ты настаиваешь на своём проигрыше, то мы готовы зачесть победу Бьёрну, и тогда он будет считаться победителем турнира, как и в последние восемь лет. Но наградить его не сможем, потому что он грубо нарушил правила ринга.

— Но вы ведь допустите его в следующем году до битв, правда?

— В данной ситуации мы можем зачесть отсутствие награды как расплату за нарушение, да.

— Прости, — прошептала она, глядя виновато на оштрафованного воина, но тот и глазом не моргнул.

Девушка подобрала с помоста меч и, вернув его в ножны на поясе, поплелась прочь к озеру. Никого не хотелось видеть, даже Аннику. Та наверняка скажет, что Миа вела себя очень дерзко и вызывающе со старшими, но это не имело совершенно никакого значения.

Сзади раздавались громкие голоса жюри, благодаривших участников и зрителей. Они сообщали, что перед праздничным ужином в таверне бойцы могут исполнить многолетнюю традицию купания в озере, и на эту реплику поднялся неимоверный шум. Вот Мию один за другим стали обгонять игроки «Кругов», полевые и местные. С диким рёвом они скидывали на ходу оружие и сапоги и забегали в ледяную воду, после чего ныряли в озеро с головой. Началась неимоверная толкотня, девушку то и дело задевали плечами то один воин, то другой, радостные окончанию турнира и спешащие осту-

диться.

— Не стоило этого делать, — пробасил догнавший её Бьёрн. — Ты могла просто отдать выигрыш мне, раз хотела вступиться в процесс.

Миа сжалась от собственной глупости. Ну, конечно, полевой участвовал во всём этом ради денег, как она сразу не догадалась. Наверняка у него на попечении осталась мать в поселении колльбьёрнов, а она всё испортила.

— Каков выигрыш? — поинтересовалась она и, услышав, изумлённо ахнула. — Но зато ты сможешь участвовать в следующем году, и ещё много лет подряд! Я больше не буду влезать в эти игры, они странные.

— Не нужно отказываться от того, что тебе нравится. Ты — хороший боец.

Мужчина остановился и ухмыльнулся ей добродушно, отчего Миа поняла, что она прощена. Мимо них пробегали орущие воины, готовые к купанию, но девушка не двигалась с места, пригвождённая его взглядом и комплиментом.

— Миа! — донёсся до её ушей голос приятельницы.

Бьёрн оглянулся на Аннику, идущую к их паре за руку со своим кавалером, и потопал прочь, но не в воду, а вдоль неё, меряя берег озера неспешным шагом.

— Куда ты пропала? — набросилась на воительницу подруга. — Что это было вообще? Ну и шумихи ты наделала!

Но та лишь пожала плечами. Почему-то не захотелось открывать сердце той, которая сегодня лишила Бьёрна компа-

ньона. Вместо этого она решила задать более актуальный вопрос.

— Почему все бегут в воду?

— Это обряд завершения «Кругов», — ответила Анника. — Все ныряют в озеро.

— А почему Бьёрн не купается? — заметила Миа невдалеке знакомую фигуру, поглядывающую то на их компанию, то на пловцов.

— Он не умеет плавать, — сообщил Айварс. — Идёт на дно, как топор. Его в первых «Кругах» вылавливали и откачивали, в лазарете пролежал неделю.

Странный непобедимый воин, боящийся воды. Миа смерила его продолжительным взглядом, уже не смущаясь и не страшась глаз бойца, и тот ответил ей взаимностью. Косые лучи золотистого солнца, лежавшего почти у горизонта, освещали его со спины, отчего возникало ощущение, что мужчина горит изнутри.

— Мне тоже нужно купаться? — спросила принцесса, отрываясь от его глаз.

— Как хочешь, — махнул рукой Айварс. — Это давняя традиция, за её неисполнение не наказывают.

Девушка подумала, вздохнула и принялась стягивать сапоги и пояс с ножнами.

— Ты серьёзно? — не поверила Анника. — Полезешь в озеро?

— Что в этом такого? Это же традиция.

— Ни одна девушка поселения не купается, это вроде как не принято.

В голосе подруги сквозили нотки пренебрежения и даже брезгливости, отчего Миа поняла, что Аннике ни за что не быть воином. Всё её естество претило самому смыслу битвы и войны, что странно, ведь жила она в поселении самых отпетых вояк Хэлвегарда.

— Я сегодня не девушка, я боец, — открестилась Миа.

Последние участники «Кругов» уже вылезали на сушу, и принцесса вошла по колено во взбаламученную у берега во-

ду. Кто-то её подначивал скорее прыгнуть с головой, кому-то идея пришлась не по душе, но решение принято, отступать — глупо.

Тремя крупными прыжками она врезалась в гладь и нырнула.

И тут произошло нечто странное. Миа оказалась на такой глубине, которой, она ручалась, не могло быть у берега. Она ясно видела толщу воды перед собой, простирающуюся голубоватым сиянием на далёкое расстояние, словно девушка зависла возле дна по центру озера. Более того, ей для этого не требовалось дышать!

Совершенно обескураженная, она уставилась на свои руки, отливавшие голубоватым светом, и почувствовала шевеление расслабленных от хвоста волос за спиной, перебираемых лёгким подводным течением. Чудеса, да и только. Миа прикрыла глаза и почувствовала себя прекрасно на глубине. Вакуумная тишина подводного царства умиротворяла её, успокаивала и баюкала, а обжигающий холод анестезировал все боли и переживания. Блаженная улыбка заиграла на её губах, и девушка закричала во всю свою мощь, разнося вибрацию звука по толще воды. Непередаваемое состояние! Она попала в свою стихию, была хозяйкой этого места!

Сказка длилась недолго. Вдруг её резко выбросило из озера, и купальщица оказалась на берегу. В легких была вода, и девушка закашлялась, перекатившись на бок. Её голову и шею тут же подняли повыше две пары тёплых рук, а вокруг

запричитали многочисленные голоса.

— Миа, боже, ты нас ужасно напугала! — воскликнула сидевшая возле подруги Анника. — Что случилось? Ты не умеешь плавать?

— Прекрасно умею! — удивилась она, усаживаясь поудобнее на прохладной земле.

Десяток мужчин и пара женщин окружили её тело, затянутое в мокрую одежду. В нескольких шагах она увидела Айварса и Бьёрна. Последний смотрел на неё в упор, как и всегда, но тут его взгляд говорил о чем-то большем, неужели беспокойство?

— Принесите ей пледы и горячее питьё, — раздался чей-то голос рядом.

— Я не замерзла, — выдала принцесса чистым тоном. — Что стряслось? Почему вы все столпились вокруг меня? Я в порядке.

— Миа, ты пошла на дно, едва нырнула, — выдала подруга.

— Она не пошла на дно, — не согласился один из старших полевых, присаживаясь к ней на одно колено. — Она вышла из тела.

Он уставился на девушку серьёзным взглядом бывалого воина, понимающим её состояние лучше самой купальщицы, отчего та растерялась вконец.

— Что? — промямлила она. — Как это?

— Где ты была? — вопросил полевой.

— В озере.

— Просто в озере?

— Да, — кивнула Миа смелее. — На дне. Там глубоко, но тихо и спокойно. Мне там было очень хорошо, я будто вернулась домой. Что? Почему вы все на меня так смотрите?

— Расскажи ей, Скегги, — попросил кто-то бородатого полевого.

Тот глубоко вздохнул и, удостоверившись, что с девушкой всё в порядке — даже озноб не берёт, начал рассказ под пристальными взглядами собравшихся.

— Это инициация воина, Миа. Мы все, особенно полевые, проходили подобное после битв, абсолютно нормальное явление. Для мужчины, — добавил он очень весомо и строго, словно девушка снова нарушила правила. — Боец северных земель сражается неистово, обладает небывалой мощью в бою, а по его окончании уходит в своё место силы, чтобы восстановиться. Со стороны это выглядит как глубокий сон. У каждого из нас своё место, и каждый испытывает то же самое, что ощутила сегодня ты. Всем из нас нужно разное время для восстановления, но… Я никогда за свою жизнь не видел, чтобы подобное происходило с женщиной!

Миа ещё повертелась по сторонам, вглядываясь в лица собравшихся, однако все они отводили глаза. Кроме одного человека. Бьёрн смотрел на неё очень внимательно и напряжённо, время от времени говоря что-то стоявшему рядом Айварсу. Хотела бы она знать его мнение на этот счёт, но

Бьёрн был слишком далеко для приватного разговора.

— Что это значит? Что мне дальше делать? — пролепетала она.

— Идти свой путь — становиться воином, — твёрдо подвёл итог Скегги.

Лето в Хэлвегард ворвалось внезапно. ещё вчера казалось, что оно не наступит никогда, но вот деревня проснулась в буйстве зелени и трав, вместо привычных голых ветвей и жидких ниток росточков. Всё внезапно заколосилось, зацвело, раскрыло пышные объятия. Кроны лиственных деревьев распушились и заслонили почти весь небосвод, и солнце едва справлялось, чтобы пробиться сквозь них к остальным ярусам биоценоза. Кусты крушины, орешника и дикой вишни дополняли шелестящий ансамбль, не желая упустить ни минуты тёплого лета. Поляны и мелкие тропы поросли высокой травой, сквозь которую пробивались яркими пятнами маки, дикая гвоздика и пижма. Высокими сиреневыми свечками возвышались стройные люпины, тоже спешащие жить, пока первые морозы не сковали землю льдом.

В поселении бьярнваров начались заготовки трав и урожая. Часто стало невозможно найти тех или иных людей, потому как они ушли в поля, только без щита и меча, но с серпом или топориком для веников и дров. Походы можно было выбрать на любой вкус: хоть в поля с иван-чаем и душистыми приправами во главе с Фреей, поварихой таверны, хоть

на плантации хлопка, конопли и крапивы под присмотром Каисы, владелицы ткацкой мастерской. Можно было отправиться на сборы лечебных трав и снадобий с Дэгрун, либо на поиски кореньев и корнеплодов с Гердой, в отряде которой было и несколько мужчин. Редкость, потому как мужчины обычно уходили по дрова или на охоту, либо вообще снаряжали повозку с собранным товаром, собирали команду и уезжали к соседям торговать.

Поселение то и дело бывало пустынным, лишь изредка из огородов торчали фигуры возделывателей культурных растений. Анника прибилась к Каисе и теперь всеми силами впитывала знания о волокнах и ткачестве, очевидно, избрав свой путь. Её Айварс снова сбежал в поход, но девушка горячо заверяла, что тот ушёл на заготовки, не понятно, кого уговаривая, Мию или себя. Сама же Миа закономерно выбрала компанию старухи-травницы, единственная из поселения.

— Ты меня удивила, дорогая, — расплылась Дэгрун в тысяче счастливых морщинок. — Я почему-то была уверенна, что ты уйдешь с Гердой.

— У Герды и так помощников масса, — отмахнулась Миа. — Как же ты одна справляешься? Ты ведь готовишь снадобья на всю деревню, неужели они не понимают важности целительства?

— Я тебя предупреждала, что люди меня избегают. Я странная. Болтаю что-то о гармонии, извиняюсь у матушки-земли, выкапывая корешки. С камнями разговариваю.

Это выглядит со стороны дикостью, но мне это только на руку. Иначе все бы были целителями, как один, и на меня бы упал спрос.

Принцесса рассмеялась коммерческому настрою акушерки, но вскоре узнала, что не всю грязную работу берёт на себя сгорбленная старушонка. Часто Дэгрун нанимала молодёжь для массовых заготовок, либо выкупала сырьё для дистилляции или отваров у тех же самых Герды или Фреи. Сама же Дэгрун занималась действительно странными вещами. Она ходила в непролазные чащи и выбирала самые удивительные грибы и ягоды, одиночные, которые никто не брал.

— Вороний глаз ядовит, — наставляла она спутницу, которая, хоть и выбралась за травой, не расставалась со своим мечом на поясе, на всякий случай. — Его нельзя просто так брать, потом не отмоешься. Но можно попросить растение отдать своё детище во имя гармонии и природного баланса, на это любая мать согласится. Мухоморы же лучше брать не самые молодые, они не успевают дозреть и не дают нужного эффекта, но и не самые старые, иначе можно убиться ими.

Мию мало того, что не смущали её речи, она ещё и усиленно их впитывала. Девушка давно хотела изучить растения своего королевства, и Дэгрун стала для неё удивительным проводником в их мир.

— Подорожник целебен, но так, как его применяют в деревне, никуда не годится, — сетовала старуха. — Они его мнут, режут, а то и вовсе прикладывают к ране целиком. Так

не сработает. Листья нужно пережевать в кашицу, только после этого с молитвой приложить к порезу. И лучше бы даль его жевать тому, у кого порез, для большего эффекта. Но кто будет слушать выжившую из ума старуху?

Девичий смех был постоянным сопровождением её ворчания. Миа откровенно радовалась свободе, знаниям и солнцу, не брезговала таскать связки и пучки трав, как обычный наёмный носильщик, что угодно — лишь бы быть рядом с мудрой повитухой в её странствиях. Бабка же, заметив её интерес к своей деятельности, передавала принцессе все свои знания, без разбора на повседневные или магические.

— Магия в этих местах с норовом, — говорила она вполголоса. — Матушка-природа заботится о нас, но поглядывает. Часто бывало такое, что один и тот же отвар разных людей и исцелял, и никак не менял их состояние, и усугублял, в зависимости от того, что за человек его выпил. Одна природа знает, что будет лучше и как. Мы, повитухи, лишь стараемся уловить её шёпот.

Почему-то Дэгрун говорила о целительницах при Мие во множественном числе, словно приняла уже девушку в качестве таковых. Но та не была травницей, насколько ей рассказывала мать об их родословной, скорее наоборот, велела держаться от них подальше как от хитрых и изворотливых личностей. И вот принцесса шла за таковой след в след, придерживая руку на мече в боевой готовности и, не дыша, оглядывалась по сторонам. «Подальше» и не придумаешь.

Впрочем, и отец старался беречь её от воинов и бойцов, и если гвардейскую стражу обойти никак было нельзя, то полевых девушка впервые увидела лишь в поселении бьярнваров. Кто же мог подумать, что война окажется частью самой принцессы?

Совет Скегги не выходил у неё из головы. Идти путь воина. А для этого необходимо было найти себе учителя, потому как рассекать мечом воздух в гордом одиночестве воительница и так уже научилась виртуозно. Бить оружием по деревьям Дэгрун запретила под угрозой домашнего ареста и конфискации меча, поэтому оставались только её друзья-сверстники, которых девушка победила ещё на «Кругах». Хьярти и Карл с радостью сбежали из кузни на пару часов из-под строго надзора Скьельда, пообещав потренировать её вместе одновременно.

— Только потому что ты просишь, Миа! — развёл руками владелец мастерской. — Смотри за ними, они только кажутся взрослыми!

Дальше тренировочной поляны на реке они не пошли. Поросшая травой по самые бёдра, она была идеальной для тренировки полевого «медведя», если бы не разнузданные учителя. Парни прыгали дурачками, кривлялись и падали в пушистый травяной покров, дорвавшись до свободы, но и про обещание не забывали.

Трижды будущие мужчины, которые были старше принцессы на пару лет, а казалось, что младше на десяток, проиг-

рали своей вызволительнице, и Миа поняла, что нет смысла больше отбирать у Скьельда работников. Воины они никудышные.

— Вот бы у Бьёрна научиться владению мечом, — пробубнила она мечтательно.

Полевых летом в деревне не было, совершенно нормальная практика. Крайне редко в кузню наведывались одиночные воины с мешком оружия, сдавали его, ели в таверне и убирались прочь в тот же день. Никто не хотел драгоценное тёплое время тратить на пустые деяния, все спешили урвать побольше.

— Бьёрн не берёт новичков на сопровождение, только в поля, — ленно отозвался Карл, пожёвывая травинку, хотя Миа и так знала эту простую истину.

Что ж, тогда ей нужно было в поля!

Набродившись по лесам, Дэгрун почти полностью перешла на дистилляты, отвары и сушку, поэтому отпроситься у неё в полевой поход не составит труда. Осталось найти человека, кто её туда возьмёт.

Центром общественных интересов поселения были таверна и кузня, стоявшие недалеко друг от друга. В кузне она была сегодня днём, отпрашивая у строгого начальника двоих бесполезных бойцов, а значит, теперь её путь лежал в таверну. Впрочем, Карл оказался не совсем бесполезным, раз теперь Миа знала о своём следующем шаге чуть больше.

В помещении таверны было душно и томно от жаркого

дня, подходившего к концу, и пустынно, как и во всём поселении. Возле барной стойки никого не было, за кухонной дверью царила тишина. Вот так центр общественной жизни!

— Миа! — раздался мужской голос откуда-то из-за спины девушки, где за самым угловым столиком возле окна собралась небольшая компания. — Вот так сюрприз.

Без страха и дурных помыслов девушка приблизилась к незнакомым людям, не узнав никого. Хотя нет, один из мужчин, который как раз её и окликнул, всплыл в памяти. Не в меру заросший и загоревший Скегги выглядел теперь едва ли не на десяток лет старше.

Принцесса улыбнулась знакомому, подхватила пустой стул и смело присоединилась к компании, заявив сходу:

— Скегги, мне нужно в поля.

Мужчины рассмеялись заявлению милахи, но Миа даже глазом не моргнула.

— Зачем тебе в поля, кроха? — спросил один из них.

— Миа — воин, Фрост, — вступился за девушку общий знакомый. — Итак, Миа, зачем тебе в поля?

Только сейчас она всерьёз задумалась, действительно, а зачем? Потому что Карл сказал, что Бьёрн берёт к себе только полевых? Звучало по-детски. Получается, она хотела понравиться Бьёрну? Нет, она хотела у него учиться, оказаться достойной обучения. Но зачем ей учиться у лучшего полевого воина Хэлвегарда? Какова конечная цель?

— Ты ведь сам сказал, что мне нужно идти путь воина,

— нашлась она с ответом. — Какой же воин без полевых походов?

— Женщины не ходят в поля, Миа, — заявил он строго.

— Женщины и не проваливаются в места силы, если что, — напомнила она о своей милой особенности. — Как я буду себя изучать, если мне никто не соглашается помочь?

Мужчина призадумался, потирая густую косматую бороду, тогда как его друзья смотрели на девушку во все глаза.

— Так это о ней ты рассказывал? — изумленно протянул тот, который, очевидно, звался Фростом. — Та самая девушка-воин, королева озера, что победила Бьёрна на последних «Кругах»? И ты ещё сомневаешься? Бери её к нам, не раздумывай!

— Помолчи, Фрост, — прервал его болтовню Скегги. — Женщина в походе — это очень большая ответственность, Миа. Если мужчина уснёт излишне крепко, то его тело максимум что могут убить. Если же в место силы надолго уйдёт женщина, то с ней можно сделать, что угодно… Мне нужно поговорить с Дэгрун, прежде чем принять решение.

Пока предводитель совещания ходил к знахарке, к которой не взял с собой даже отпрашиваемую девушку, Миа успела познакомиться с его командой. Фрост, Барди Лейв и Томас закидали девушку вопросами о детстве и юности, об открытии её навыков, наличии наставников, используемых практиках и даже наличии жениха. Принцесса старалась держаться легенды Дэгрун о собственном происхождении, но при этом переплетать её со своей историей, где полностью отсутствовала воинская подготовка. Вообще ей было странно вести беседу с сорокалетними полевыми бойцами, бородатыми, исполосованными тонкими шрамами жизни, глядящими ей в рот, словно она была чудо какая диковинка.

— Как тебе удалось победить Бьёрна? — спросил Лейв, черноволосый пухлый тип с тремя косами в бороде.

— Я его не побеждала, — заявила Миа. — Он сам не стал бить, просто оставил меня на помосте. Видимо, драться с девушками ему претит.

— Ничего подобного, — хмыкнул Барди. — Я Бьёрна наблюдаю все семь «Кругов», у него нет таких принципов. Конечно, он не пришибает девиц об пол, как ту на последнем турнире, но и не задумывается особо над победой. Так что ты — действительно победила Бьёрна. Вопрос — как?

— Не представляю. Видимо, решил, что выигрыш ему ни к чему.

Мужчины заверили её, что деньги Бьёрну очень даже «к чему», он в последние полгода берётся абсолютно за любой источник дохода, словно копит капитал. На вопрос о матери Фрост рассказал, что та не нуждается в его поддержке, потому как сама имеет неплохой доход. А вот на вопрос, куда полевой воин тратит деньги, никто не смог дать внятного ответа.

— Да, кто ж его знает? — отмел все догадки Томас. — Девушки и выпивка его тоже не интересуют, инструмент и защиту он не менял уже лет пять точно. Не представляю, зачем парню деньги, притом, немалые.

Странный этот Бьёрн.

Далее мужчины поинтересовались, кто учил Мию драться. Они очень удивились, что наставника у неё не было, но

никто из них не взялся учить малышку искусству боя.

— Дэгрун нас проклянёт, — опасливо оглянулся на дверь таверны Барди, явно побаиваясь старуху. — Она дурная, у неё предметы по воздуху летают.

— Как это? — не поняла Миа.

— Кончай, Барди, это выдумки всё, — неуверенно прервал их болтовню Лейв.

— Своими глазами видел! Ведьма она! А ещё она погоду заговаривает, вспомни того парнишку из ормарров? Сдаётся мне, бабка накликала грозу на поселение.

— Я с ранней весны живу у неё, обычная бабушка, — надула губу Миа. — Болтает о травах, варит компоты и булькает отварами.

Команда несмело переглянулась.

— Ты на всякий случай будь с ней осторожна, Миа, — подвёл итог Барди. — Я понимаю, что она твоя родная кровь, но что-то в этой карге нечистое есть. Она очень многое играет под себя, не зря ей Бьёрн не доверяет. Просто гляди в оба, хорошо?

К тому времени, как вернулся Скегги, команда уже приняла Мию как свою. Совершенно никто не взял в расчёт множественные «но», о которых болтала колдунья, разрешая взять внучку в поход, хотя ещё недавно её имя наводило на воинов ужас. А «но» заключались в том, чтобы вернуть девушку спустя трое суток, не больше, и не уводить с земель бьярнваров.

— Мы и не собирались, к слову, — заявил Скегги. — Сейчас по окончании лета самый прибыльный поход — это за дровами, так что Дэгрун больше поворчала, чем сломала наши планы. Очень она за тебя переживает.

Отряд договорился встретиться завтра у таверны на рассвете и отпустил Мию домой. Но перед этим Скегги настоятельно рекомендовал новенькой восстановиться в её месте силы, на всякий случай. Конечно, битв на их территории не планировалось, но мало ли.

Дэгрун встретила её настороженным взглядом и выжидательным молчанием. Однако Миа не особо понимала, что от неё хотят, поэтому выдавала заезженные по-детски странные фразы, пока бабка не призвала её к ответу весьма серьёзно.

— Зачем тебе на пороге совершеннолетия лезть в поля с «медведями», которые тебе годятся в отцы? Интерес к ним как к мужчинам исключаю, дрова — не дадут тебе совершенно никакой пользы в развитии, в озеро можно лазать и отсюда, мечи вы оставляете дома, взамен них берёте топоры, и даже не боевые, а колуны. Ты ведь не дурочка, королевская дочка, скажи, что это тебя туда понесло?

— Бьёрн берёт в обучение только полевых, — сдалась Миа и покраснела.

— Бьёрн, значит, — крякнула бабка и скривилась, словно у неё разболелись все разом последние редкие зубы. — И что этому мальчишке неймется? Это он тебя направил в команду Скегги?

— Нет, вовсе не он! Я его с «Кругов» не видела больше. Пожалуйста, Дэгрун, он тут не причём. Он даже не в курсе о моих планах, не выдавай меня! — взмолилась Миа. — Я бы очень хотела, чтобы Бьёрн поучил меня так управляться с мечом, но в кузне сказали, что он берёт к себе только полевых…

— «Медведей», Миа! — взвыла старуха, призывая девицу к здравому смыслу. — Бьёрн берёт к себе полевых «медведей», не девчонок! И уж тем более, не тех, которые!..

Она прервала сама себя и глубоко вздохнула.

— Впрочем, иди, куда хочешь, — сдалась Дэгрун, махнув рукой. — Скегги я доверяю, держись ближе к нему. На столе узел с обедом на завтра, дальше там сама разбирайся, раз в полевых метишь. Там же немного снадобий: коричневым Томасу смажь обожжённую руку, он будет сопротивляться, а в маленьком пузырьке масло для Лейва, у него несварение. Остальное, надеюсь, не пригодится, пусть поход будет без крови и ран. Огниво возьмёшь с печи, не потеряй. И береги себя, ладно?

На последней фразе бабка разлилась теплом и, как Мие почудилось, проглотила ком в горле. Странно, неужели травница успела привязаться к ней за несколько месяцев?

— Дэгрун, дорогая, всё будет хорошо, — бросилась к ней названая внучка и крепко обняла сгорбленную старуху, отчего та аж крякнула, пораженная. — Обещаю, я буду беречь себя, вернусь в целости и сохранности. Меч не оставлю. К

следующей партии дистиллята буду дома, вот увидишь! И это… Не говори ничего Бьёрну, ладно? Я не хочу, чтобы он подумал, что я… В общем, не говори. Хорошо?

— Хорошо, вздорная девчонка, не скажу, — проворчала женщина, уложив все эмоции и вернувшись в свою обычную роль. — Он до первых заморозков не сунется в поселение, делать тут нечего.

Едва первые лучи ленивого светила тронули кроны вековых сосен и дубов, команда двинулась в путь. Две деревянных повозки с лошадьми для поклажи возглавляли шествие. За поводьями восседали Фрост в куче скарба и Томас, а остальные шли бодрым шагом следом. На одну из телег хотели закинуть Мию, но она категорически отказалась от поблажек, и даже хотела возмутиться, что её приравнивают к вещам, однако мужчины вовремя ретировались.

— Это вообще возмутительно, что вы меня щадите! — болтала Миа по дороге под усмешки старших мужчин. — Я ведь не развлекаться пошла с вами, даже, вон, топор взяла! И вы не поверите, но умею его держать. Вроде бы. Дэгрун показала, ничего сложного.

— Миа, ты взяла колун, он только для поленницы подходит, — рассмеялся Скегги. — Попробуй им срубить дерево, ушатаешься. Дэгрун явно никогда лесозаготовкой не занималась. Ладно тебе, не дуйся. Отберешь у Лейва, он не любитель рубить деревья.

Принцесса замолкла, снисходительно ухмыляясь на на-

смешки. Она старалась ни на секунду не терять цели, зачем пошла в поход, ведь, Бьёрн говорил, что цель в битве — самое главное. Интересно, а какая у неё конечная цель? Не дрова ведь рубить.

Ответ ей пришёл уже к обеду, когда настало время заняться делом. Мужчины расхватали инструмент и разошлись каждый к своему сухостою, указав Мие на лучшее с их точки зрения дерево. Никто не рассказывал ей, как это делать, не щадил её и не давал советов — приказ принцессы исполнялся в точности.

Девушка сняла с повозки тяжелый колун, больше напоминавший молот с чуть заострённой частью, и подошла к стволу в обхват своих рук, размахнулась покрепче и с криком ударила им по дереву. Глухой металлический раскат прошёл по лесополосе, а зарубка едва ли оказалась глубже трети фаланги её пальца. Скегги был прав, этим топором не выйдет валить деревья.

Краем глаза она заметила, что мужчины косятся на неё с усмешкой, при этом показательно рубят свои деревья удобными для этого острыми двухсторонними топориками. Лейв первый остановился и, оперевшись на своё орудие, уставился на девушку. Следом за ним встал в ожидании и Томас.

Помнить, зачем пришла.

Миа закрыла глаза и прислушалась. Лес шуршал листвой над головой, где-то горланила птаха. Треснула ветка вдалеке. Из трёх работающих топоров ещё один утих. Девушка

вздохнула глубоко, ощущая порыв ветра на своей коже. Совершенно интуитивно руки легли на эфес меча, торчащий из ножен.

Внезапно, следуя порыву изнутри, она выхватила меч и нанесла удар по сопернику. ещё один, и ещё. Крик был ей в помощь. Топоры утихли, смешков слышно не было. Ещё два удара. Миа, прижимаясь к земле, совершила боевой переход и нанесла удар с другой стороны, и ещё один. ещё серия ударов, высекающих из ствола крупную сухую щепу. На финальном рычащем вопле она засадила клинок в ствол на половину ширины, а когда вынимала, услышала лёгкий стон дерева. Голая крона очень плавно начала крениться к земле, отчего недорубленная древесина затрещала. Дерево опустилось низко и повисло на растопыренных ветвях.

Меч ушёл в ножны. Девушка хотела поднять свой ущербный колун, чтобы обрубить ветви, но нашла за спиной пятерых ошалелых мужчин.

— Ты когда-нибудь видел такое, Барди? — прошептал Скегги. — Мечом!

Их деревья были прорублены едва ли на треть, но до них уже никому не было дела.

— Что не так? — удивилась Миа, оглядев своих спутников. — Вы были правы, моим топором это не сделать.

Мужчины лишь молча вернулись к своей работе. Иногда они косились на странную девушку в их команде, но усмехаться больше не думали. В конце концов, у Мии единствен-

ной было с собой оружие, мало ли что может выкинуть в сердцах внучка колдуньи. Та же, орудуя попеременно то мечом, то своим ущербным топориком, обтесала от ветвей весь ствол и срубила макушку.

— Скегги, мне понадобится помощь с широкой частью дерева, — пошла на мировую девушка. — Можно я оставлю ствол вам? У вас топоры получше.

Бородач кивнул, и все его спутники тоже активно закивали. Оказывается, Миа в первую очередь всё же обычная девчонка.

К вечеру одна из повозок была наполовину заполнена дровами. Лошади паслись невдалеке, где не падали деревья, и росла сочная трава. Пока дровосеки добивали её дерево, Миа обустроила для всех спальные места из лапника и половиков. Саму же девушку решили уложить на пустую повозку, отбросив все её доводы.

— Это не обсуждается, земля уже прохладная, — доложил Скегги. — Я за тебя в ответе, Миа, тебе ещё детишек рождать.

Она и не стала спорить. За ужином она отдала Лейву флакончик с маслом и требовательно протянула ладонь к обожжённой руке Томаса. Те не сопротивлялись, похоже, осознав, вокруг кого в этом походе вращается всё действо. Мирно трещал огонь в костре, пятеро полевых мужчин и одна девушка ели похлёбку из котелка и смотрели на близкие звёзды.

— Как мне найти наставника? — решила спросить Миа. — Я даже не представляю, как его искать. Не идти же по деревне с опросом, кто согласится им быть, правда?

— Увиденное сегодня, полностью исключает, что ты найдёшь себе учителя у бьярнваров, — серьёзно произнес Барди. — В поселении нет человека, кто сможет тебе помочь быть лучше, скорее, наоборот.

— С такой силой и грацией идти бы в королевскую армию, — подтвердил Томас. — Наверняка тебе подойдет тот, кто обучает гвардейцев.

Гарольда Миа помнила хорошо. Она знала, что предводитель воинов отца был потомственным полководцем. Голубоглазый ульвар с тонким чуть горбатым носом и осветлённой солнцем бородой всплыл у неё перед глазами, остро напомнив о доме. Его лукавая улыбка и вызывающий взгляд манили в битву, когда он обучал девушку фехтованию. А ведь действительно, у неё уже был учитель, которого сердце предпочло забыть на фоне потери семьи. Сердце, но не тело. Миа оглядела свои руки, помнящие каждый указ наставника.

— Прости, я не хотел тебя обижать, — неверно считал Томас её молчание. — Просто мы тут все «медведи», понимаешь? У тебя же есть стиль. Совсем, как у Бьёрна. Попробуй спросить, у кого обучался этот малый, может, там и будет тебе ответ?

На этом и закончили болезненную тему.

Перед сном, совсем уже в сладкой дремоте Мию произ-

вольно выкинуло в озеро. Воительница не сопротивлялась, понимая, как сильно могла устать за день. Всё же, рубить деревья мечом это так же нерационально и вычурно, как нарезать молотом краюху хлеба, однако очень полезно, если хочешь научиться владеть инструментом более виртуозно. Всё не зря с ней случился этот поход.

Проснулась она от невыносимой жары. Над головой в самом зените стояло полуденное солнце, припекающее к тёмному половику, под которым спала девушка. Воздух аж вибрировал от тепловых волн, что несвойственно для раннего утра в северном королевстве.

Миа поднялась на повозке и скинула с себя удушливую тряпку. В нескольких шагах от неё расположились дровосеки с питательным завтраком. Или обедом?

— Вот это сон у воина! — рассмеялся Скегги. — Мы уже успели заполнить телегу, пока ты восстанавливалась. Опять в озере была?

В ответ Миа пробубнила что-то невнятное и, не имея росы под рукой, плеснула в ладонь воды из бурдюка, чтобы умыться. Похоже, она проспала половину трудового дня. Сонная и растерянная она присоединилась к мужской трапезе, оказавшейся всё же обедом.

После еды вся команда снова принялась за сухостой. В этот раз девушке выделили облегчённый топор Лейва, но не по той причине, что тот не желал работать.

— Если ты учудила такой погром мечом, на что же ты

способна с топором в руках? — изумлённо вопросил Барди, протягивая ей инструмент.

Миа лишь усмехнулась. Похоже, внучка ведьмы теперь будет жить с клеймом чудаковатости и неземных способностей. Но она решила не устраивать внимательным мужчинам показательное выступление, а просто взялась за работу с усердием проспавшего наёмника. Валить лес ей больше не хотелось, а её никто и не заставлял. Принцесса обтесала от сучьев стволы и, обрубив макушку, с чувством выполненного долга сдала итог дровосекам.

Мирный ужин ещё больше утеплил компанию. Посиделки у костра раскрывали сердце и вызывали тепло в груди от единства природы и человека. Миа однозначно была типичным полевым воином, жаль, что мирные походы бьярнваров подходили к концу вместе с тёплыми деньками. На битву же её никто не возьмёт, в этом девушка отдавала себе отчёт и особо не надеялась на чудо.

Отсыпаться в грядущую ночь после битвы с врагом Миа не планировала, тем более, завтра до обеда ожидался последний бросок по наполнению второй телеги, а после полудня полевые были готовы к пути домой. Поэтому особо не спешила на свою повозку, наполовину заваленную брёвнами, а вместо этого разговорилась со спутниками.

Оказывается, мужчины были очень даже не против завести полевую семью, да вот только найти подходящей женщины оказалось непросто.

— Ты же знаешь Герду? — печально вопросил Барди. — Она потеряла Эйнара в самом расцвете их любви, его смерть убила её, она заперлась в кузне. И я сейчас не про её тело, но про её сердце. Мало кто готов любить полевого, мириться с его выкрутасами.

— Анника — это моя подруга — тоже против походов, — кивнула Миа понимающе. — Но ведь иногда в этом суть человека: ты не можешь полюбить мужчину без его воина внутри. Это часть его естества!

— Хорошо, что ты это понимаешь, девочка, — похвалил её Скегги. — Твоему избраннику очень повезёт с тобой, если только он не будет из мирного населения.

— Это вряд ли, — лукаво усмехнулся Лейв, — да, Миа?

— О чём ты? — не поняла та, но зато поняли все сидящие вокруг костра.

Смешки и покашливания прокатились по компании, и девушка требовательно уставилась на своих новых друзей.

— О вас с Бьёрном ходят слухи, — сдал деревню Барди, и Миа скривила гримасу. — Прости, значит, нам показалось.

Компания утихла, лишь треск костра и стрекот далёких сверчков нарушал лесную глушь. Томас помешал палкой в костре, и к ночному небу взвились стая огненных светлячков.

— Подожди, ты слишком быстро сдался, — почуяла подвох принцесса. — Что вы имеете в виду? То есть, причем тут вообще Бьёрн? Я его не видела с «Кругов»!

— Вот именно! Ты помнишь последний день вашей встречи.

Лейв засиял от своей сообразительности сильнее наточенного топора.

— Ты тоже помнишь день, когда видел Бьёрна в последний раз, мы же не умалишённые, — опровергла довод девушка. — Так же, как ты помнишь последний день, когда видел любого другого человека. В чём суть этого всего?

— Миа, расслабься, — призвал их к примирению Скегги. — Просто Бьёрн странно поступил на «Кругах» по отношению к тебе, только и всего. Мы удивились, и теперь мучаем тебя, хотя нужно бы помучить его самого. Не сердись, ладно?

— Если что узнаете, расскажите уж и мне, — буркнула Миа. — Сплетники.

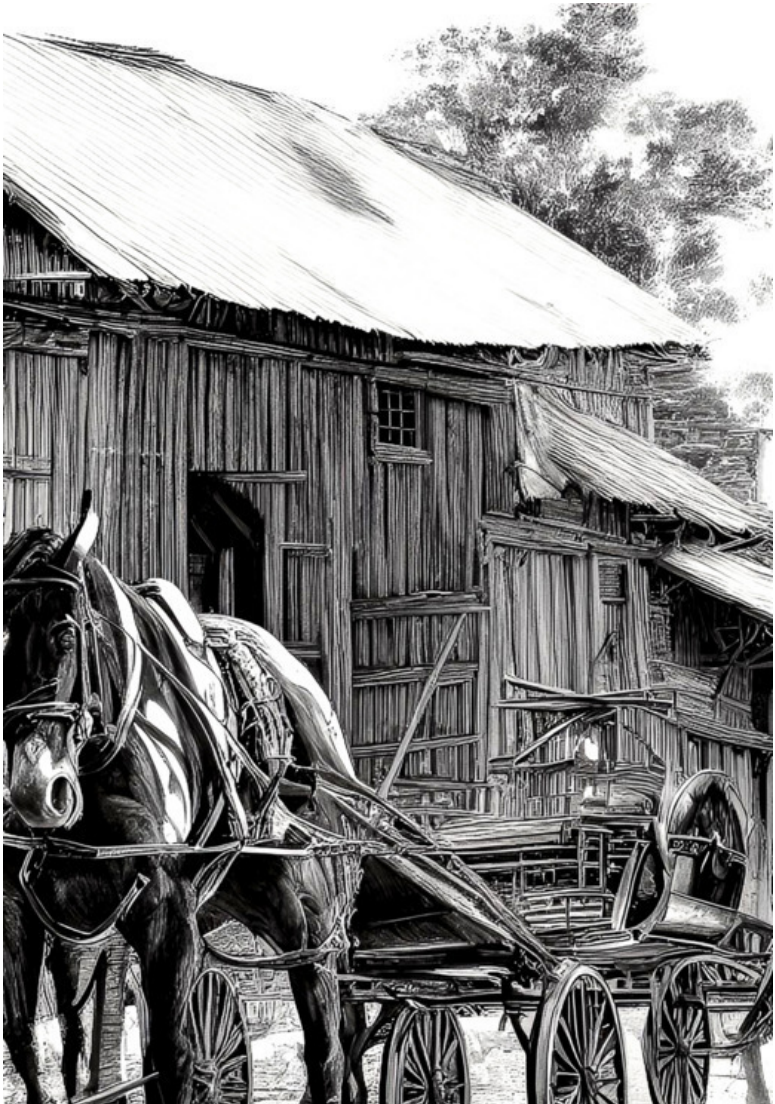
Следующий погожий день начался по плану с первыми лучами солнца, а закончился в поселении, куда девушку доставили в целости и сохранности. Миа очень сдружилась с полевыми, но это не дало ей пропускного билета в последующие походы. Дровосеки наотрез отказались брать её куда бы то ни было дальше сухостойного перелеска или полей для сборов сырья, и девушка надула губки, сворачивая к дому Дэгрун.

— Миа! — окликнул её Скегги, когда та уже достигла крыльца дома. — Спасибо тебе за поход! Правда! Я буду рад видеть тебя в подобных, дам знать, если будут.

Мужчина вынул из-за пазухи какой-то предмет и кинул

его девушке. Миа поймала и обнаружила в руках мешочек со звенящими монетами. Улыбка растеклась по её лицу.

— Спасибо, Скегги! — воскликнула она. — Вам всем!



Дожди начались буквально на следующий день, после возвращения принцессы в поселение бьярнваров. Небо расплакалось, раскисло, поползло мокрыми дорожками по стволам деревьев, собралось в лужицы в основании листьев люпинов и лопухов. Дорога стала скользкой и тягучей, развязнув глиняными колеями благодаря редким колёсам телег. Озеро покрылось жабьей шкурой от многочисленных ударов капель, стало серым и неприветливым. Выбирая между прогулкой до него ногами и нырянием вглубь вод духом, Миа всё чаще склонялась ко второму варианту. И суше, и толку больше.

— Теперь до холодов не утихнет, — предрекла Дэгрун непогоду, так и вышло.

Осень резко вступила в Хэлвегард стеной дождей. От колючего ветра с пронзительными иглами капель жители прятались если не под крышами домов, то за кожаными капюшонами и накидками. Земля довольно быстро остыла после неожиданно тёплого и продолжительного в этом году лета, и поселение бьярнваров перешло на отопление. Подкидывая в печь очередное полено, Миа знала теперь его цену.

Дэгрун закончила с дистиллятами и спрятала аппарат в сундук под замок.

— Неужели ты думаешь, что кто-то украдёт его у тебя? — удивилась Миа, наблюдая за бережными манипуляциями со стеклянными трубками.

Женщина закончила и, закрыв сундук, спрятала связку

ключей под многочисленными юбками, после чего оценила лукавым взглядом вроде бы такую умненькую девушку, но задающую странные вопросы.

— Как ты думаешь, где в этом доме всё самое ценное? — вопросила старуха. — Просто представь, что ты здесь впервые. Как ты думаешь, где я храню свои секреты?

— Очевидно, в сундуке? — предположила «внучка» недоверчиво.

— Вот именно. Все так думают. И знаешь, что я тебе скажу? Он для этого тут и стоит, чтобы создавать видимость. Потому что те смельчаки, кто отважится сунуть нос сюда без моего ведома, а таких — единицы, полезут куда? Под замóк. Это очевидно же, правда?

Миа растерянно уставилась на травницу и кивнула. Та докостыляла до кровати и подозвала девушку к себе. Под толстым матрацем, набитым опилками и тяжёлым отсыревшим пухом тополей и камыша, с обратной его стороны Дэгрун указала на тонкий разрез — не знаешь и не найдёшь. Она скользнула суховатой кистью внутрь и вынула чёрную каменную шкатулку, простую, совершенно обычную, но какую-то зловещую.

Внутри шкатулки оказались странные предметы по усмотрению девушки. Сложенные вчетверо толстые бумаги с какими-то странными знаками, пузырьки с жидкостями, самый маленький — едва ли больше фаланги мизинца Мии, и четыре кольца с гербовыми печатями, чуть мерцающие в туск-

лом свете лучин.

— Что это? — вопросила девушка, перебирая откровенный хлам.

— Самое ценное, что здесь есть, Миа, — ответила Дэгрун серьёзно. — Не в этом доме, но во всём королевстве. Это наша история, наш мир.

Какие-то знаки были знакомы принцессе, но точных определений она не знала. Трёхлистный цветок с острыми лепестками, спираль с голубоватым центром, двойная волнистая полоса, неравный крест, словно скрещенные мечи, всё это было до боли знакомым, но не несло абсолютно никакого смысла. Миа так сильно напряглась, что сощурила глаза. Она понимала эти мерцающие пузырьки и перстни, чувствовала их разум и значимость всей коробочки, но не могла вывести всё это в понимаемые слова.

— Зачем ты мне это показала? — вдруг осознала ответственность Миа.

— Чтобы ты знала. У тебя свой секрет, который неизвестен никому, кроме меня, у меня — свой. Это честно. Ты — единственная в деревне, кому я могу доверять, потому что пришлая, нездешняя. Если со мной что-то случится, эти вещи ни в коем случае не должны попасть в чьи бы то ни было руки. Никогда и ни к кому.

Покров тайны проложил густые тени на знакомом лице травницы, подчеркнув её мудрость и преклонный возраст. За окном уже тоже разливалась темнота, и Дэгрун, заметив

это, поднялась с кровати от своих сокровищ и задёрнула занавеску, предварительно оценив пустынную дождливую картину за окном.

— Но что это? Зачем они мне? — вопросила Миа, когда та вернулась к койке.

— Хранить. Пока они под присмотром, Хэлвегард существует, — подвела черту травница и закрыла крышку коробки.

Секрет отправился назад в тайник, и Дэгрун вернула на место матрас. Девушка стояла рядом ошарашенная и не могла понять, что ей дальше делать с этой информацией.

— Не дрейфь, я не собираюсь помирать, — усмехнулась целительница. — Просто пришло время рассказать об этом кому-то. Ты — подходишь. А сундук — это ценность для местных. Там дистиллятор для аквавита, дорогие металлы и камни. Деньги, если поискать, то можно найти в тумбочке. Я — типичная бабка, глупая, считающая, что если спрятала что-то от себя, то никто не найдёт. Поняла?

— Поняла с самого начала и рассказываю это всем на каждом шагу, — кивнула Миа, вспомнив спор на заготовке дров. — Раз сегодня такой хороший день, может, тогда ещё и о летающих предметах расскажешь?

— Нет, об этом — не время, — произнесла Дэгрун просто и обыденно. — Давай укладываться, завтра могут вернуться полевые. Третий день льёт, как из ведра, так всегда бывает по осени, когда «медведям» нужен приют и питание.

Девушка удручённо вздохнула. Вечно её прерывают на самом интересном.

На следующий день и правда потянулись полевые. Мелкими мокрыми компаниями по два-три человека они заглядывали в избу Дэгрун и выкупали бутыльки со снадобьями.

— Осенью хорошо идёт концентрат эхинацеи, никому не нравится простуда, — поясняла старуха, подготавливая всё новые и новые товары. — Часто берут масло чайного дерева, он прекрасный антисептик. Особо буйные могут купить подушечку с цветами лаванды, а особо суеверные — метёлку полыни. Кроме того, следует выставить заготовки типы и малины: если лето было жарким, а дожди начались резко и неожиданно, то морозы ударят так же внезапно.

Миа слушала, не прерывая. Всё лето она наблюдала цветение этих трав и занималась их сбором, а теперь наблюдала, как их труды превращаются в заработок. Девушка знала, что полевые приносят едва ли шестую часть всего дохода травницы, но и их забота не обходила стороной. Дэгрун очень трепетно относилась ко всем своим клиентам, даже к неверующим и строптивым до лечения. Особенно к таким!

— Привет, Миа! — поздоровался подошедший с двумя молодыми «медведями» Лейв. — Ребята, познакомьтесь — это Миа, единственная на нашем веку девушка-воин.

— Привет, девушка-воин, — проговорили вразнобой те.

— Миа, это мои парни.

— Привет, парни Лейва, — выдала помощница травницы без тени улыбки, и Лейв расхохотался.

Она протянула ему бурое тягучее средство от ожогов и получила за него несколько монет. Мужчина поблагодарил странную деву и повёл «парней» к таверне.

В последующие дни поток покупателей увеличился. Теперь у дома Дэгрун стали появляться странники, одиночки в чудаковатых одеждах, не только с тёмными, как ночь, глазами, но и иные, голубоглазые. А единожды, Миа могла поспорить, она столкнулась на пороге с удивительным мужчиной с ярко-салатным цветом глаз. Сухой и жилистый, как голые деревья по осени, но строгий и даже угрожающий, он появился из гущи леса, осматриваясь по сторонам, зашёл в избу, а после завершения сделки скрылся в чащобе, не оставляя следов. У Мии мороз по коже шёл от подобных посетителей.

— Подобные личности приносят чуть ли не половину годового дохода, — объяснила в конце дня бабка, пересчитывая выручку и укладывая её в тумбу. — Каждый из них точно знает, для чего приходит, и какую цель преследует.

— Что они покупают? — поинтересовалась Миа.

— Информацию, власть, бессмертие — кто что. Кому-то нужны странные ингредиенты, которых нет даже у меня, и тогда они платят за ответ и моё молчание об их поисках, но часто находят, что искали.

— Мухоморы и вороний глаз, например? — уточнила уче-

ница.

— В том числе, — кивнула Дэгрун. — Медвежий жир они выкупают у Фреи и делают на его основе мази разного назначения. За мной же активные добавки вроде порошка из листьев ландыша или сушёные ягоды некоторых северных орхидей. Поговаривают, в подобных снадобьях даже присутствует яд диких змей, который добывается ормаррами, но тут я имею мало информации.

Один раз в их дом наведался абсолютно седой длинноволосый тип с лицом молодого мужчины, глаза которого были не то оранжевыми, не то золотыми. Он назвался Магнусом и попросил полного уединения с травницей, занявшего буквально пару минут, после чего вышел вон и скрылся за поленницей. Больше девушка о нём ничего не слышала и не видела, куда тот делся, однако в тумбе нашла внушительный мешок с золотыми монетами без отличительных знаков.

— Работу подкинул, — предупредила знахарка Мию. — будем делать концентрат.

В течение недели в избу Дэгрун стали приходить обычные полевые, но не местные, не «медведи», а иные, более стройные и гибкие, правда, тоже кареглазые. Они притаскивали связки каких-то корней и веток со сладковатым запахом, которые женщина омывала и отваривала в огромных котлах. Отвар помещался в дистиллятор до тринадцати раз, пока на выходе не образовалась густая смолянистая жидкость, совсем немного.

Работа продолжалась больше месяца, который Миа провела в помощницах. Бесконечные зачистки корешков, бульканье аппарата и котла на печи, и этот стойкий запах сладковатой травы стали рутиной для девушки, нудной и утомительной. Однако по окончании процесса Миа заметила, что её ладони, чуть огрубевшие у бьярнваров от разного рода работ и стирки, вдруг стали от сока корней розовыми и молодыми, почти младенческими. Изменения тронули не только её саму, но и Дэгрун: старуха насквозь пропахла парами отваров и заметно распрямилась. Её иссушенная на летнем солнце кожа подтянулась и посветлела, а глаза обрели яркий лазурный оттенок.

К концу дистилляции странный седой человек снова пришёл. На этот раз он не стал выгонять Мию и при ней отдал женщине ещё более увесистый мешок с монетами, получив взамен обычный стандартный пузырёк.

— Себе отлила? — спросил он чистым юным голосом.

— Да, уж не забуду, поверь.

Мужчина недобро усмехнулся и покинул избу.

— Кто он такой? — поинтересовалась Миа, когда за Магнусом закрылась дверь.

— Человек, который не хочет стареть, — усмехнулась целительница. — Я знаю его порядка пятидесяти лет, и всё это время он такой же, как сейчас. Поговаривают, что он — один из основателей Хэлвегарда, до того стар.

— А он знает о вещах в твоей кровати?

Дэгрун зыркнула на принцессу и замерла, зависнув в её глазах. Миа выдержала взгляд.

— Многие знают об их существовании, как и Магнус, — ответила она, наконец, смиряясь с неудобными вопросами, которые девушка теперь отваживалась задавать. — Но никто не знает, что они у меня. Кроме тебя.

Большая ответственность, нечего сказать. С учетом того, что Миа даже толком не знала, кто такая на самом деле эта женщина, и теперь, в свете её вдруг помолодевшей внешности, сколько ей лет. Ответы могли быть абсолютно любыми.

Когда каморка травницы выветрилась от странного запаха варёных корней, и поток полевых истончился, Миа нашла себя не у дел. Послонявшись по избе пару дней и выполнив всю имеющуюся домашнюю работу, она решила навестить Герду, которая обещала вернуться в кузню по осени.

Свою старшую подругу с подбритыми висками она завидела ещё на подходе к мастерской. Та стояла возле входа под моросящим дождём и смотрела вдоль улицы, словно кого-то ожидала. Она окинула Мию беглым взглядом и, кратко поприветствовав, поставила рядом с собой.

— Хорошо, что ты пришла, рассказывай, как дела, — проговорила Герда холодно, всё так же глядя по сторонам.

— И я рада тебя видеть, — мрачно сообщила Миа и хотела уже было войти внутрь, но женщина её перехватила и вернула на место.

— Просто болтай, как ни в чём не бывало, буквально пять минут, — очень тихо пробасила женщина, всё так же глядя вдоль улицы, а громче выдала иное: — Как дела, Миа? Какими судьбами? Чем занималась летом?

Вдруг выше по улице сквозь жемчужную дымку дождя показалась группа людей непонятного назначения. Просто тёмная масса, двигающаяся вдоль строений от дома правителя, с большим числом ног и клацающая оружием.

— Я так рада, что ты зашла! — воскликнула Герда и принялась театрально обнимать Мию. — Чем занимается Дэ-

грун? Как её драгоценное здоровье?

При этом работница кузни довольно громко постучала ногой в дверь, и оттуда ей ответили тем же. Девушка недоумённо оценила картину, но решила подыграть старой знакомой. Она принялась болтать о походах за лавандой и мухоморами, то и дело нервно усмехаясь, надеясь в глубине души, что это выглядит естественно.

Масса людей приближалась, и из пелены мороси нарисовались их лица. Шестеро крупных бойцов во главе с Тристаном прошли мимо девушек, но тот вдруг, заподозрив неладное, остановился возле кузни, посчитав картину подозрительной. Герда краем глаза заметила казус и потянула Мию внутрь.

— Ну же, дорогая, не стой под дождём. Идём ко мне, я покажу тебе новые корсеты!

Девушки юркнули в нешироко раскрытую дверь, которую Герда закрыла за их спинами на щеколду. Люди внутри уставились на вошедших, пригвождённые резкой сменой декораций. Металлический запах крови ударил Мие в нос, активировав готовность к бою, и та, вцепившись в эфес меча, окинула ошарашенным взором собравшихся.

Слева за кузнецким столом сидел встрёпанный Скегги, настолько мрачный и убитый, что хуже и не придумать. Рядом с ним на полу расположилась пара молодых полевых с разбитыми лицами в кое-где рваных рубахах, которых Хьярти пытался привести в порядок влажным полотенцем. Поза-

ди виднелся торс Фроста с яркой кровоточащей полосой по центру груди и Карл с таким же полотенцем. Мужчина морщился от прикосновения горячей тряпки, но терпел молча. Возле печи на шатком табурете сидел какой-то молодой полевой, глядящий прямо перед собой невидящими голубыми глазами. Его руки сжимали стакан с золотистым пойлом, судя по всему, аквавитом, который он время от времени пригублял, словно воду. Ещё несколько битых бойцов расселось у него в ногах, уже перевязанных и умытых.

И только тут справа от входа Миа заметила его. Бьёрн замер возле главной кузнецкой конторки со Скьельдом за ней. В его ногах покоились четыре огромных мешка с торчащими доспехами, мечами и щитами. От взгляда знакомых глаз её обдало ледяным жаром, и принцесса едва не вылетела назад под дождь, благо дверь оказалась заперта.

— Кто? — бросил Бьёрн Герде.

— Тристан со своей тупоголовой гвардией, — тихо сообщила та.

Гул ругани прокатился по помещению, и мужчины снова зашевелились. Владелец кузни отсчитал полагающееся монеты за сданное оружие и потащил его в подсобку. Фрост выругался ещё раз и, отобрав полотенце у Карла, принялся сам промывать рану. Ошарашенная Миа вынула из кармана замшевых штанов флакончик чайного масла, который всегда носила с собой, и протянула знакомым. Те приняли его, зная, что делать дальше с антисептиком.

— Что стряслось? — пробормотала девушка, наконец, осознав происходящее.

— «Волки» объявили охоту на полевых, — выплюнул с гневом Скегги. — Или не они, но кто-то их руками. Теперь не поймёшь, кто за кем стоит.

— Ты не ранен? — спросила Миа у Бьёрна, и тот отрицательно покачал головой.

Перевязанным поставили выпивку и определили ночлег на втором этаже кузни, а тот, кому только что отсчитали монеты за сданные трофеи, вывалил их же за уплату комфорта. Вдруг парень, сидящий на стуле в состоянии шока узрел девушку.

— Я тебя знаю! — ошарашено воскликнул он. — Ты же из замка! Из замка ведь, да?

— Идем, я провожу тебя в спальню, Ру́нольв, — строго пресёк его болтовню Бьёрн и потянул за собой. — Ты пьян вусмерть, тебе нужно поспать.

Миа едва не лишилась чувств. Конечно же, она знала Рунольва, сына Гарольда, предводителя армии отца. Парень очень вырос и возмужал, загорел за лето на солнце, оброс и перепачкался, но это был он! Ледяной ужас, что её тайна может быть раскрыта здесь и сейчас, сковал тело.

Рунольв не был пьян, он был в двойном шоке: и от пережитой битвы, и от знакомой принцессы в самой отдаленной от замка деревне. Но осознаться парню не дали: сильные руки Бьёрна подняли его со стула за грудки и вытолкали к лест-

нице. Поступь мужчин протопала по второму этажу, хлопнула дверь, и всё стихло.

— Сядь вот тут. Хочешь что-то выпить? — спросила Герда Мию, но та отказалась. — Карл, Хьярти, заканчивайте там, уводите раненных наверх. Если Тристан найдет их здесь, нам всем «крышка».

Мужчины на полу зашевелились и стали подниматься на ноги. Вскоре кузня опустела, только Скьельд остался внизу с девушками. Он уселся у печи и взялся за кочергу, не имея ничего иного под рукой для отвлечения. Герда собрала окровавленные тряпки и отправилась к раковине, замывать. Владелец кузни же завис взглядом в огне.

— Я не вовремя, да? — пробормотала гостья, подсаживаясь к нему поближе.

— Нет, Миа, ты в самый раз, — отозвался Скьельд. — Неизвестно, как Тристан отреагировал бы на Герду, стоявшую в дозоре, если бы ты не пришла. Мне жаль, что ты увидела всё это, но Скегги сказал, ты истинный воин, так что переживёшь.

К тому времени, как Герда закончила с тряпками, к ним спустился Бьёрн. Бледный и сосредоточенный, он уселся на свободный стул и уставился в привычную точку — глаза Мии. Девушка тоже глядела на него, не смущаясь больше, но переживая за бойца.

— Как ты? — решила спросить она.

— Бывало и хуже, — отозвался Бьёрн. — Хотя лучше то-

же бывало.

Мужчина усмехнулся легко и спокойно, словно для него подобный исход вечера был обычным делом.

— Миа, ты ведь ко мне шла, да? — решила уточнить Герда. — Что-то хотела? Прости, что сразу не спросила, тут такой переполох.

— Всё в порядке, я понимаю. Думала поработать с кожей, ты говорила, что осенью вернёшься.

— Обсудим завтра, — устало проговорила женщина, тяжело вздохнув; её взгляд скользнул к прикрытому ставнями окну и сквозь тонкую щель узрел обстановку. — А сегодня тебе пора. Темнеет.

Миа совсем не хотела домой, по непонятным причинам ей было важно быть сейчас тут. Она всем сердцем чувствовала, что не зря пришла сегодня в кузню.

— Пусть посидит ещё недолго, ладно? — вдруг вмешался Бьёрн, удивив до глубины души их обеих. — Я провожу её потом.

Герда кивнула и скрылась в своей подсобке, прикрыв плотно дверь. Вскоре и Скьельд распрощался с молодыми людьми, отправившись наверх, а они так и продолжили сидеть на стоявших напротив стульях, не размыкая взора. Казалось, этого было достаточно для обоих.

В печи приветливо хрустели дрова, отбрасывая на их лица огненные всполохи, а разлитое по кузне тепло быстро просушило влажные от измороси одежды. Слов не находилось,

но они и не требовались. Мие просто было спокойно, что всё закончилось. Бьёрн же время от времени следил за огнём, но в большей мере следил за девушкой.

Они просидели так очень долго. За окном уже полностью стемнело, и, похоже, закончился дождь. Молчание всё так же казалось важным и органичным, словно ради этого Миа и пришла сюда сегодня.

Наконец, мужчина прикрыл глаза и глубоко вздохнул, собираясь с духом. А после этого, затворив огонь в печи, приблизился к окну. Комната мигом стала чёрной: совершенно ничего не видно, кроме тонкой оранжевой грани огня между заслонкой и устьем.

— Чисто, — доложил он тихим голосом. — Идём.

Очень осторожно и бесшумно Бьёрн откинул щеколду на двери и раскрыл её на две ладони, только лишь для того, чтобы выпустить девушку и проскользнуть самому. Абсолютная кромешная темнота окутала их со всех сторон, и Мие стало жутко покидать кузню. Вдруг её прохладную ладонь обхватила другая, тёплая и сухая, и потянула вперёд. Не разбирая, куда ступает, принцесса доверилась проводнику и пошла за ним, не имея особо выбора.

Вскоре глаза привыкли к черни настолько, что стали различать какие-то выпуклые предметы во тьме, не то изгороди, не то стены домов. Миа никогда не ходила по поселению бьярнваров в такое время, скорее всего приближавшееся к полуночи или около того. Получается, они просидели с Бьёр-

ном в тишине порядка четырёх часов, немыслимо!

Вдруг порыв ветра растащил чёрные тучи, и яркие звёзды замерцали на тёмном небосводе. В их мягком свете Миа нашла себя на заднем дворе кузнечной мастерской, стоявшей за руку с Бьёрном. Мужчина прислушивался к звенящей тишине и вглядывался в чуть мерцающую темноту ночи. Удостоверившись, что всё тихо, он отвёл в сторону одну из досок забора и, пригнувшись, выбрался на плотный грунт дороги. Спутница сделала то же самое.

Очередной раскат ветра дорвал облака, освободив ещё больший клок неба, и из пелены выбралась неполная луна. Вся улица залилась ярким серебристым светом, и на её основании вдалеке шевельнулись какие-то тени. Бьёрн быстро пересёк дорогу и нырнул в лес, утягивая девушку за собой. Пять шагов, проводник присел за кустарник и прислушался. Миа подумала, что сейчас, кроме грохота своего сердца, она вообще ничего не слышит. В чащобу свет луны едва пробивался, но всё же тонко подсвечивал висящие с ветвей дождевые капли. На дороге послышались тихие шаги, кто-то прошёл мимо них один раз, а спустя время второй в обратном направлении. И всё стихло.

Бьёрн выпрямился и прислушался. Он забрался в карман брюк и вынул какой-то предмет, надломил его. По тихому хрусту Миа разобрала, что в руках у мужчины была обычная сухая ветка. Вдруг с разных сторон издалека раздались такие же щелчки. Постояв с полминуты, прислушиваясь, провод-

ник двинулся дальше. Он шёл по чавкающей от дождя лесной подстилке настолько беззвучно, что Мие казалось, будто она слышит только свои шаги. Интересно, как ему это удаётся? В чём секрет?

Постоянно огибая заваленные деревья и раскидистые кусты, они плутали по лесу, стараясь не задевать ни одной ветки. Редкие порывы ветра обдавали их шквалом крупных капель, от которых намокала одежда и волосы. Миа уже не ориентировалась куда они идут по темноте и тишине, но Бьёрн без тени сомнения двигался вперёд, зная дорогу. Мысли, что спать они сегодня будут в мокром лесу, пресеклись, когда впереди мелькнула изгородь знакомой избы. С этой же точки беглая принцесса приблизилась к дому знахарки ранней весной, после битвы в замке.

Бьёрн добрался до забора, присел к земле и очень долго прислушивался, после чего мягко подошёл к дому и махнул рукой. Едва спутница подоспела к нему, тот ловкими движениями втолкнул её в приоткрытую дверь и тут же закрыл. Миа даже не успела звука произнести, как оказалась в избе.

— Рассказывай, — потребовала Дэгрун, сидевшая за столом при лучине. — Почему ты с Бьёрном?

Миа вздрогнула от неожиданности и едва не вскрикнула, вовремя зажав рот рукой.

— Ты меня ужасно напугала! — возмутилась она тихо. — И я не с ним! То есть, он меня только проводил, но между нами ничего не было.

Бабка оценила её усталым взглядом и безнадёжно вздохнула.

— Боже, девочка, неужели ты думаешь, что меня сейчас интересуют твои интимные отношения? — протянула Дэгрун, поднимаясь со стула. — Я ведь не мать тебе и не отец, занудствовать не стану. Скорее напротив, подтолкну к безрассудным поступкам, уж очень они отдают моей дикой молодостью.

Она подкинула в печь дров и налила «внучке» нечто горячее из чайника. Миа приблизилась к столу и только сейчас сообразила, насколько она вымокла и замёрзла, плутая по лесу.

— Мне больше интересно, что стряслось, раз ты вернулась из кузни затемно, да ещё и в сопровождении, — продолжила бабка серьёзно. — Тристан тут шлялся со своей шайкой, искали кого-то. А ты выглядишь осведомлённой.

Переодеваясь в сухое, Миа рассказала старухе всё, что знала. Та же слушала, не перебивая, становясь всё мрачнее и мрачнее. На окончании рассказа принцесса уселась за стол и обхватила руками теплый стакан с чаем, блаженно отпивая глоток.

— Что, интересно, во всей этой истории нужно Тристану? — задумалась Дэгрун. — Говоришь, Герда — одна из наших? Интересно. Завтра постарайся узнать у неё подробности, почему «медведи» бежали сюда, а не в деревню колльбьёрнов? Там определённо больше места, чтобы спрятаться,

и правителей нет. Впрочем, Герда может и не знать. Тогда Скьельд может быть в курсе. Но ты с ним не говори, он не скажет и слова, только подговорит всех не втягивать тебя в подобные истории.

Миа лишь молча следила за ходом мысли мудрой женщины, которая пыталась склеить мир из обрывков слов и шелеста ветра.

— Получается, парень из кузни узнал тебя? — спросила она строго и настороженно, и девушка кивнула. — А Бьёрн его осёк и увёл наверх, так?

Ответчица ещё раз кивнула, не улавливая уставшим мозгом, что хочет сказать наставница, повторяя и без того озвученные факты. Но Дэгрун больше ничего не спросила, видимо, сделав нужные для себя выводы. Всё осмыслив и задав ещё пару вопросов, бабка дала команду ложиться спать.

— Утро вечера мудренее, — прокряхтела она, укладываясь. — Во тьме живёт лишь тьма, толку нет спрашивать у неё о свете.

Солнечный луч ударил в окно избы, и Миа сощурилась. Вчерашние прогулки по тёмным лесам казались выдумкой, как и вся история с раненными.

Дэгрун дома не было, видимо, ушла к Фрее за списком пряностей. Это и на руку. Девушка наспех оделась и перекусила какой-то сушёной лепёшкой, запила её колодезной водой прямо из ковша и выбежала на улицу. И тут же верну-

лась обратно, поражённая.

За ночь на пронзительном ветру небо расчистилось полностью, но взамен облаков и дождя в Хэлвегард пришли первые морозы. И не простые с тонкими льдинками на лужах, а крепкие, которые не могло растопить слабое осеннее солнце. Всё, что вчера было мокрым, чавкающим и капающим, сегодня стало звенящим, оскольчатым и гладким.

Миа надела поверх меховой жилетки тёплый кожаный плащ с капюшоном и отправилась в кузню. Ей просто необходимо было увидеть Бьёрна, чтобы понять, что ей это всё не приснилось.

Поселение покрылось белёсым игольчатым инеем полностью. Стены домов поседели, лужи встали крепким льдом, даже растения — каждая веточка, каждый неопавший лист — ощетинились белыми ворсинками. Миа оторопела от благоговения. Всё-таки, в замке природа не такая красивая, как в лесу.

Пару раз поскользнувшись, но удержавшись на ногах, принцесса хотела ворваться в кузню, которая обычно поутру уже вовсю работала, но наткнулась на закрытую дверь. Девушка постучала, но ответа не последовало. Тогда она обогнула здание справа, как раз той тропой, которой они вчера с Бьёрном попали на задний двор, и нашла окно, которое, судя по расположению, должно было оказаться комнатой Герды. Потянувшись на цыпочках, девушка постучала в него и замерла. Спустя время в него постучали в ответ, и Миа заме-

тила за тюлем лицо подруги. Её заметили, значит, откроют.

Она поспешила к главному входу, куда её впустили и тут же закрыли за спиной дверь. Щеколда вернулась на место, обозначая сегодня в заведении выходной.

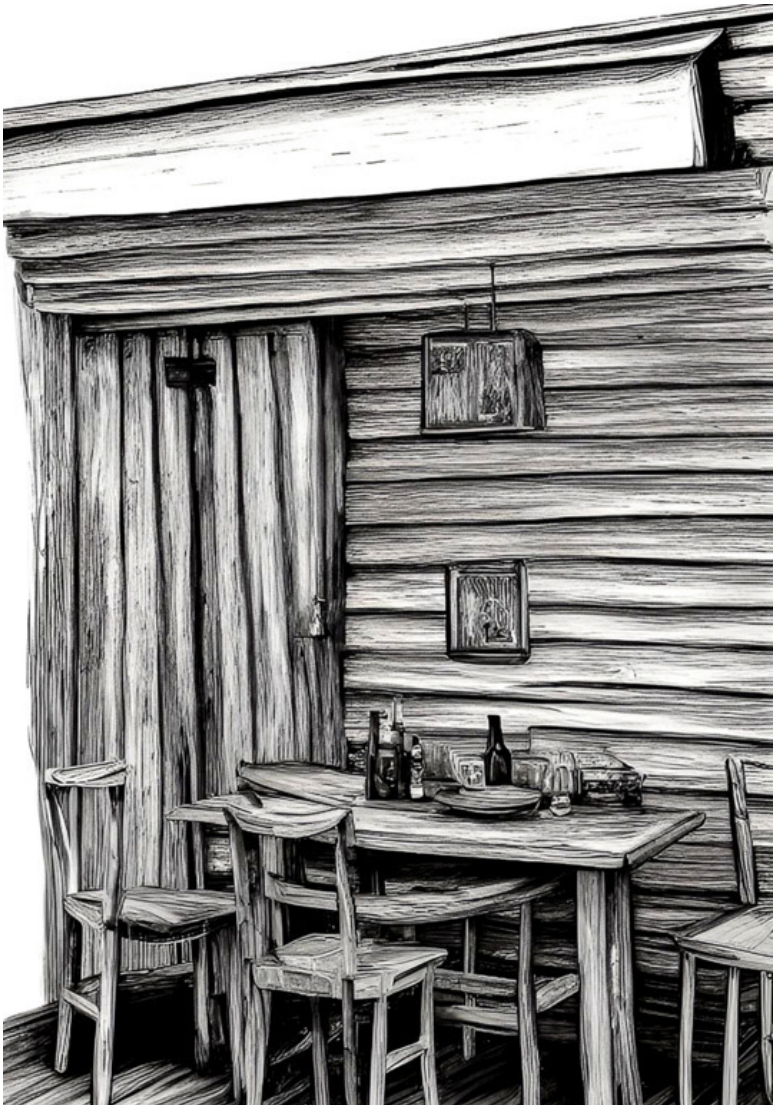
— Ты рано. Что-то стряслось? — спросила Герда Мию, ощупывая девушку со всех сторон.

— Нет, просто мне нужно было к вам, — пробормотала она. — Не знаю, почему. Ощущение нереальности этого всего. Бьёрн уже встал?

— И ушёл, — кивнула женщина. — Перед рассветом забрал Рунольва и скрылся из деревни, пока Тристан не заподозрил неладное.

— Почему он забрал Рунольва?

— Кто ж его знает? Единственный не раненый полевой, одни боги знают, для чего ему этот потрясённый боем мальчик.



Герда подкинула в тлеющую печь полено и принялась ваять завтрак. Гостья от еды отказалась, но уселась за общий стол, желая расспросить старшую о многом. И вскоре поняла, что та не так много знает. Кузня была перевалочным центром довольно долго, но редко, потому как располагалась вдали от основных сражений. Раненные доходили нечасто, и Герда не знала, почему отряд вернулся на этот раз сюда, а не в любое другое место. Она доложила, что остальные из разбитого отряда отсыпаются, поэтому, пока весь верхний этаж забит бойцами, кузнечная мастерская закрыта. Скьельд разрешил прикрываться его выдуманной болезнью. Обязательно заразной.

Герда всё же поставила перед её носом кружку травяного чая и уселась напротив со своей едой.

— Ты вчера спасла Бьёрна, он был на грани, — сообщила она серьёзно.

— Но я ничего не делала, — пролепетала Миа.

— Его разбили нападение «волков» и потеря товарищей, — словно не замечая её реплики, продолжила Герда, отпивая чай. — Понятно, что среди них было много сильных и опытных заводил — Скегги, Фрост… Но Бьёрн почему-то часто берёт ответственность за битвы на себя. Лично на себя, понимаешь? Это непосильный груз для одного человека, тем более такого молодого. И он готов был сдаться, опустить руки. И тут — ты.

— Это он так сказал?

— Это видно, Миа. Я достаточно внимательна, чтобы замечать подобные мелочи. Иначе для меня всё давно закончилось бы. Мужчине нужна тихая гавань, где можно понять, ради чего он двигается. Что есть иная жизнь, кроме войны, мирная и добрая. Невозможно постоянно быть в тонусе, иногда нужно и отдыхать.

Из Мии тихая гавань была так себе, нечего сказать. Инициированная воительница, единственная известная на весь Хэлвегард, выжившая принцесса, которую ищут по всему королевству, умеющая держать меч лучше, чем нож для очистки овощей. Хотя вчера Бьёрну нужно было совсем не это всё. Он просто смотрел на неё и отдыхал. Похоже, Миа начала понимать, что имеет в виду женщина, говоря о гавани.

— А что он говорит обо мне? — спросила она осторожно.

— Ничего, — ответила Герда весомо. — Это и удивительно, потому что Бьёрн всегда имеет своё мнение о людях, которого не скрывает. А о тебе не говорит совсем, словно бережёт какую-то тайну. Свою личную, глубоко в сердце. Понимаешь?

Девушка кивнула.

Внезапно на входе раздались тяжёлые шаги, и дверь мастерской дёрнулась могучей силой. Крепкая щеколда сдержала натиск, снаружи побились недолго и оставили это дело. Герда вскочила на ноги и глянула в щель между ставней на

окне. Села назад, спокойная.

— Кто он на самом деле? — продолжила Миа расспрос.

— Бьёрн-то? Дезертир. Он за всех, и ни за кого. За себя, и тут же против себя. Не выносит правил, но сам живет по строгим законам, известным ему одному. Он везде, и его нигде нет. Кажется, что он пропал, но стоит начать его искать, он уже тут рядом, стоит в дверях. Я не знаю его родословной, хотя говорили, что у него в деревне колльбьёрнов осталась мать. Я прожила там тридцать лет, и могу сказать, что мне эта женщина незнакома. Либо он хорошо скрывает родственные связи, либо это лишь слухи. Бьёрн останавливается всегда в съёмных комнатах, словно у него нет дома. Но при этом в каждой деревне, в каждом помещении он ведёт себя так, словно это и есть его дом.

— Совмещает противоположности, — проговорила девушка.

— Примерно так, да. Он как меч баланса, вечно во что-то влипает, во всём разбирается, берёт на себя, выравнивает. У него множество команд, которые он может разом все в одночасье оставить и уйти в одиночный поход, чтобы уравновеситься и проветрить голову. И он совсем не интересовался дружбой, любовью и девушками. До тебя. То внимание, которое он тебе уделяет, это уже очень много для Бьёрна. Поэтому в деревне и судачат о вас.

Объект внимания непобедимого воина нахмурилась и растерялась одновременно. Те действия в свой адрес, кото-

рые совершал Бьёрн, могли быть похожи на что угодно, только не на флирт. Карл с Хьярти и то более очевидно выражали свою симпатию в отношении принцессы! И пусть воин переступал через себя, когда находился рядом с ней или смотрел на неё, Миа даже не подумала бы, что это элемент заигрывания. Хоть от его взгляда и горело в груди, и бегали мурашки по телу.

— Мне даже нечего сказать на этот счёт, — проговорила девушка.

— Значит, и не нужно, всё решится само, — отмахнулась Герда. — Главное, что могу сказать от себя: любить полевого — это та ещё нагрузка. Пусть у вас всё будет хорошо, хоть вместе, хоть порознь.

После завтрака девушки принялись обсуждать совместную деятельность. Миа хотела освоить молот и кожу, но не только в изготовлении корсетов. В замке придворные дамы всегда ходили в длинных платьях и накидках, но те штаны, что принцессе дала Дэгрун, гораздо глубже отражали её суть. Их необходимо было заузить и попробовать пошить из более тёплой замши на зиму. Кроме того, из плотной кожи мастерица соорудила себе новый корсет, который сделала под себя.

Вскоре принцесса переоделась в тугие замшевые лосины и длинную, почти до середины бедра, рубаху, поверх которой встал фактурный корсет с выдавленными витиеватыми узорами. Верхней одеждой ей стала длинная парка из чёр-

ной дубленой шкуры и высокие меховые унты на кожаных стяжках почти до самого колена. Кроме того, Герда выделила Мие большую кобуру под ножны меча, которая надевалась поверх парки, и тёплые рукавицы. Теперь девушке были не страшны ни враги, ни морозы.

Конечно же, Герда не осталась в стороне и тоже захотела себе подобный наряд. Счастливый и стильный вид работниц кузни вдохновил и других женщин поселения, и вскоре в их маленький кожаный цех пошли заказы. Швеи довольно скоро определились с условиями совместной работы, сырьём и оплатой. Так Миа получила место в кузне, куда заходила теперь на правах работницы в любое время.

Свободный график позволял ей решать свои задачи, и девушка подумывала начать с проруби, о которой мечтала с первых заморозков. Лёд на озере был уже достаточно крепок, осталось найти смельчака, который согласится ей помочь.

Первыми отказались Карл и Хьярти, а за ними и Скьельд, назвав затею безумием.

— Озеро зимой — одно из самых опасных мест Хэлвегарда, Миа! — строго наставлял он взбалмошную девчонку. — С одной стороны от него ормарры с их замёрзшим болотом, с другой — колльбьёрны с их холмами. Вода оказывается в низине под обозрением любого, кто сочтёт тебя неугодной. И если ледорубам может повезти, и их не вычислят в день работ, то ты ведь не угомонишься одним разом, верно? Так

что забудь об этом мероприятии, это ужасно опасно.

И ладно. Хмыкнув, девушка пообещала найти себе других помощников.

Однако на следующий день уже вся деревня знала о её затее, и всякий мужчина с ходу встречал отказом рубить лёд, хотя Миа ещё даже не успела поздороваться. Скьельд просто подговорил всех не помогать ей ни в коем случае.

— Это нечестно! — возмущалась принцесса за ужином под сухие усмешки травницы. — Он не может так просто взять и запретить всем помогать мне!

— Я тебя предупреждала насчёт Скьельда, — напомнила бабка.

— И ладно, я знаю, кто согласится помочь! — воскликнула Миа, и глаза её зажглись азартом. — Где Бьёрн?

— Опять твой Бьёрн! — всплеснула руками старуха. — Да, кто ж его знает? Он может быть за стеной избы, а может и на выезде из Хэлвегарда. Неугомонный тип.

Теперь Миа ходила по деревне и искала не тех, кто прорубит ей лёд, а тех, кто поможет найти Бьёрна. Но никто не был в курсе, куда делся лучший боец, пропал, да и только. Кто-то видел его позавчера в таверне, кто-то в тот же день у стен замка, но точной информации не было ни у кого.

Отчаявшись, Миа решила навестить Аннику, которую не видела уже довольно давно, потому как девушка полностью отдалась ткачеству и личной жизни. Хоть она и скажет в очередной раз, что прорубь — это ужасно опасно и глупо (об

этом уже знала вся деревня, спасибо Скьельду), но хотя бы лишний раз повздыхает вместе с ней, как ужасен мир воинов.

Но каково же было её удивление, когда подруга оказалась в курсе, куда пропал Бьёрн. Девушка нашла Аннику в ткацкой мастерской, которая располагалась в двух постройках от таверны, через дорогу от кузни. Тёплое светлое помещение занимали два ткацких станка и три прялки. Как же было к лицу красавице-подруге подобное убранство комнаты и яркий свет! Миа залюбовалась приятельницей, пока лицо той не омрачилось её вопросом.

— Бьёрн ушёл в поход на устье реки неделю назад, — сообщила она возмущённо, и глаза её наполнились слезами. — И Айварс с ним! Я себе места не нахожу, это ужасно!

— Это ведь опасно: там ормарры, а они не любят «медведей», если не сказать больше, — пробормотала принцесса.

— Вот именно, Миа! — воскликнула Анника. — Вот именно!

Гостья присела к подруге ближе и обняла её тепло и поддерживающе. Та плакала о том, что невозможно жить под угрозой, что твой мужчина может не вернуться, что всегда есть опасность просто так на каких-то глупых боях потерять самого дорого и ценного, единственно любимого человека. Миа лишь гладила ей спину и обнимала. Тирада закончилась тем, что, наверное, Анника не так уж сильно и любит его, раз не готова терпеть и ждать.

— Подожди, но он же обещал не ходить больше в поля с Бьёрном, разве нет? — припомнила летний разговор Миа, и её приятельница насупилась.

— Вообще-то, мы с ним не так чётко это обсудили, — покаялась Анника. — Мы договорились быть вместе, и я попросила его беречь себя. Думала, что не ходить больше в поля — это само собой разумеющееся, он же знает, как я отношусь к битвам!

— Айварс — воин, Анника. Иногда битва — это наша суть.

Страдалица выбралась из объятий подруги и приблизилась к высокому светлому окну в кружевных занавесках, под стать заведения. Там разлился погожий морозный день, обволакивающий пока ещё скупым снегом белёсую от инея землю. Вскоре пойдут серьёзные снегопады, и, как сказала Дэгрун, деревню заметёт по самые крыши. А пока последнее в этом году солнце светило с лазурного небосвода, радуя мир обманчивым теплом. Анника стояла в свете дня потерянная и прекрасная, погрязшая в собственных невесёлых мыслях, и подруга не смогла остаться в стороне.

— Я сейчас поняла, что не хочу себе воина, Миа, — всхлипнула она, когда принцесса приблизилась к окну. — Я не выдержу и коротких походов, в которые Айварс берёт с собой меч. Похоже, нужно сообщить ему о расставании, когда он вернётся с устья. Если он вообще вернётся.

Анника повернулась к подруге заплаканным лицом, в миг

постаревшим от собственного волевого решения. Миа едва не стукнула её по голове кулаком от несогласия и возмущения.

— Но ты ведь ждала всем сердцем любимого мужчину, разве нет?

— Я ждала сердцем мирного мужчину, домашнего и тихого, — заявила ткачиха капризным тоном. — Зачем мне воин? Что с ним делать? Ждать в слезах с битв и отстирывать с одежды кровь на реке?

— Ты и так долго выбирала, — напомнила ей Миа. — Сердце влюбилось в него. Значит, именно это и требуется тебе по судьбе.

— Ты мудрая не по годам, совсем как Дэгрун, — пренебрежительно сморщилась Анника. — У такой молодой девушки ещё должен быть ветер в голове, а ты как будто в правители готовишься. Зачем тебе быть такой серьёзной, Миа?

— Я обычная, — насупилась та. — У каждого свои черты характера.

Оставалось только диву даваться, как две настолько непохожие девушки умудрялись всё ещё быть приятельницами. Однако эволюция Анники Мие всё равно нравилась, хоть она в который раз и не принимала выводы девушки.

Не принял их и Айварс, вернувшийся через неделю после их разговора. К тому времени поселение уже начало заметать снегом, а небо затянулось тугой серой плёнкой. Вместо того чтобы оставить Аннику в покое, согласившись с её решени-

ем расстаться, он предпочёл бросить поля. Набравшись мужества, он сделал девушке предложение руки и сердца прямо в ткацкой мастерской, дав обещание навсегда осесть дома и найти мирную профессию. Ради неё.

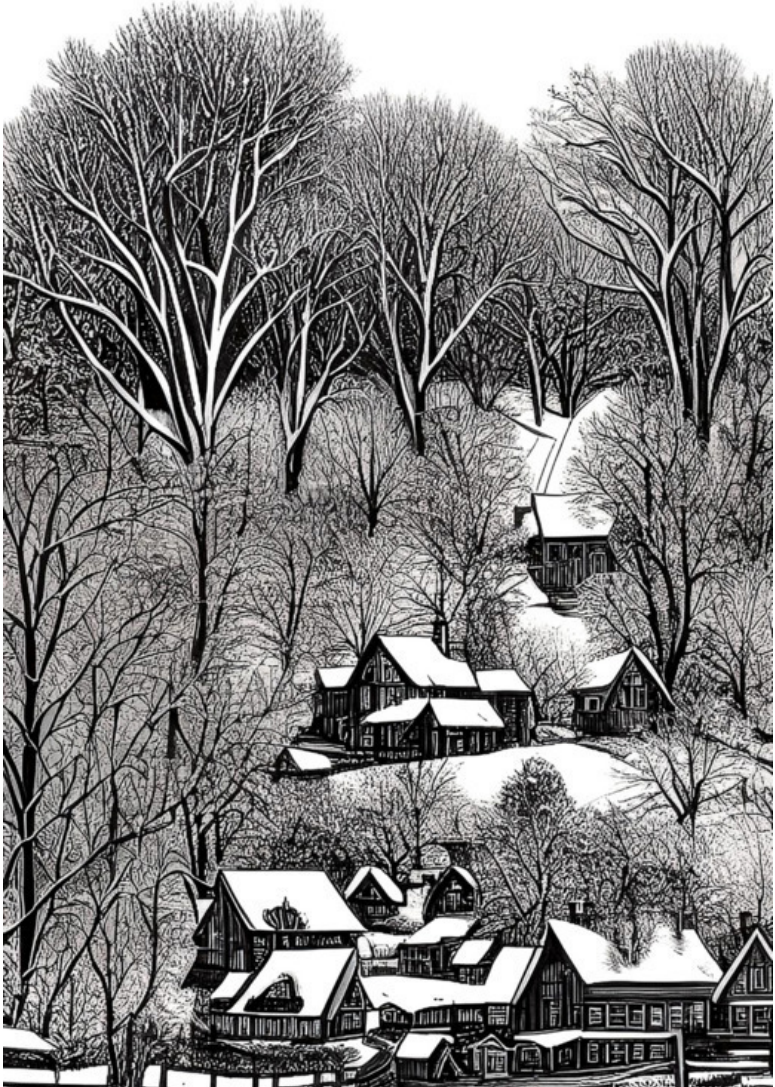
От этой истории Мию перекорёжило, но главное, что влюблённые были счастливы. Куда ей понять их метаний?

Однако в их романтической истории имелась и трагедия. Айварс вернулся с тремя ранеными, среди которых Бьёрна не было. На вопросы Мии парень рассказал, что неугомонный «медведь» выгнал их с поля битвы, чтобы те шли домой, а сам остался сдерживать ормарров.

— «Змей» было порядка десяти человек, все вооруженные до зубов какими-то странными штуками — разлетающиеся мечи, ручные трезубцы и металлические плётки. Отчаянные ребята! А Бьёрн один, представляешь? Он один, а их — десять! И вот он замахивается мечом, а ему в лицо летят острые наконечники плетей, он едва успевает поставить щит. А сам орёт, чтобы мы убирались вон с поля. Десять угроз, а он о нас заботится! И вот мы уже отходим в лес, а на него наваливается сразу трое ормарров…

Анника заметила смену настроения подруги и толкнула рассказчика локтем в бок, чтобы тот заткнулся. Миа сделала глубокий вдох, сдерживая поднявшиеся вдруг эмоции, и прикрыла глаза. Внезапно стало понятно, почему работница ткацкой мастерской так настаивала на мирных занятиях для своего мужчины.

— Эй, прости, я думал, ты воин, и тебе интересно послушать легенды о старом добром Бьёрне, — смутился Айварс. — Но ты заранее не хорони его, потому что так уже было не раз. Он может отсыпаться где-то под снегами, к весне вернётся.



Пока молодые планировали свадьбу в следующем году, как раз после «Весенних Кругов», Миа заламывала руки от беспокойства, которое старалась никому не показывать. Дэгрун на историю с ормаррами только отмахнулась, сообщив, что Айварс вечно всё преувеличивает втрое, а Герда склонила голову в трауре, наученная собственными потерями. Одна Анника бы поняла её, но тогда бы все доводы Мии о том, что есть «путь воина, который нужно идти» (так ей сказал Скегги после первого выхода из тела) пришлось бы забрать назад.

Неделя шла за неделей, снегопады усилились. Миа старалась закрыться работой то в кузне, то по дому, лишь бы не думать о плохом. Но факты говорили сами за себя: велика вероятность, что Бьёрн погиб. Крайне велика.

И девушка не могла понять, что она чувствует от этого осознания.

Часть 2
Сообщник

Зимы в Хэлвегарде всегда были суровыми и многоснежными: сугробов наметало по самые крыши одноэтажных домишек. Под неподъемным гнётом стихии ломало вековые деревья и трухлявые ограды, некрепкую черепицу, вовремя неубранные телеги и даже несущие опоры домов, если те были в недостаточном порядке, подгнившие за мокрое лето.

Жители поселения бьярнваров даже не пытались уже расчищать снег. Они лишь следили за тем, чтобы открывались двери, а в окна попадало хотя бы мизерное количество света с улицы, остальное усердно притаптывали по особо важным направлениям. Невостребованные же ходы заваливало основательно, без возможности пробраться к ним до самой оттепели.

Миа никогда в жизни не видела столько снега. В замковом саду всегда его было минимум, потому как придворные расчищали дорожки и особо важные площади, а из окна, кроме скал и оврага, девушка ничего не видела. Визуально же невозможно было определить, сколько там снега, бело и бело. Поэтому удивление наполняло её каждый день проживания в деревне.

И беспокойство. Жгучее, снедающее изнутри, сметающее всё на своём пути. Если сначала девушка смущалась показы-

вать его на людях, то спустя месяц после возвращения Айварса с группой побитых полевых, сдерживать это в себе стало невозможно. Даже Дэгрун уже всерьёз забеспокоилась о её здоровье, но Миа не могла ничего поделать с собой. Изнутри что-то мощное рвалось наружу, лишив её самоконтроля в повседневных мелочах.

При этом поселение бьярнваров отвечало ей полной противоположностью. Тянулись размеренные однотипные дни без новостей и происшествий, белые и морозные, рутинно похожие один на другой.

Работы в кузне было много, Герда радовалась дополнительному доходу и интересным занятиям. Миа на автомате выполняла свою часть, мыслями и разумом находясь не здесь. Подруга видела это в ней и время от времени спрашивала о самочувствии, на что та всякий раз отвечала: «всё нормально». Разве могла она рассказать кому-то, что волнуется? Это бы выглядело так, словно она усомнилась в непобедимости легендарного бойца. Ничего не оставалось больше, кроме как коротать дни в мастерской.

Теперь, когда новости об их деятельности разнеслись по всем «медвежьим» поселениям, девушки стали получать заказы и от колльбьёрнов. Оказывается, подобная одежда — неженственная — была востребована и у них. Герда ушла встречать повозку с кожей от их соседей, а Миа осталась с иглой и напёрстком возле окна, где было достаточно света.

В общем зале кузни мерно работал молот Скьельда, вре-

мя от времени прикрикивающего на своих помощников. Открывалась и закрывалась дверь, впуская бойцов и заказчиков, подельщиков и просто друзей. Жизнь текла сквозь поселение замедленно, будто и не текла вовсе.

Вдруг Миа поняла, что из-за двери раздаются странные звуки.

— О-о-о, — протяжно раздавался хор мужских голосов, всё наращивая громкость.

Раскатом пошли аплодисменты, звон инструментов, словно кто-то бил ими друг о друга не по делу, а просто так, стараясь выдать как можно больше шума. Когда же гул голосов перешёл на отчетливый воинский крик, девушка поняла, за дверью происходит что-то невразумительное. Она бросила шитьё и, проверив на боку наличие ножен, рванула к выходу из каморки.

Ужасный шум ударил ей по ушам, и Миа скривилась. Глаза искали источник общей вакханалии и нашли его, что уж говорить. В центре всеобщего внимания, похлопываемый десятком рук, стоял Бьёрн, смущённый и радостный, но бледный, заросший и немного растерянный. В двери кузни уже тянулись местные жители, желающие убедиться в живучести главного бойца, однако тому больше не было дела до толпы, потому что он увидел её. Упёрся взглядом в глаза Мии и замер, утопая в двух голубых озёрах её зрачков.

— Она волновалась за тебя, — затараторили наперебой его друзья. — Ещё как волновалась! Места себе не находила,

всю деревню обошла. У меня спрашивала. И у меня. У меня дважды. Ты нас всех напугал, парень!

Миа залилась краской смущения, но взгляд не отняла, не в силах поверить, что боец вернулся. Изнутри снова всё менялось, что-то расслаблялось от облегчения, а что-то напротив начало учащённо биться, словно запустился некий механизм жизни.

— Излишняя опека воина не приносит ему никакой пользы, — заявил Бьёрн во всеобщее внимание, а сам направился к замершей в углу зала девушке.

Он приблизился к Мие вплотную и встал слишком близко для обычного разговора, опять впитывал каждый её вздох, словно проверял воина перед битвой. Внутри него роились какие-то чувства, и вот мужчина решился прикоснуться к ней: очень несмело обхватил ладонями её плечи, оставаясь на небольшом расстоянии и сверля взглядом. Сердце едва не выпрыгнуло из глотки девушки.

— Спасибо, что волновалась, — проговорил он искренне, но настолько тихо, что фраза осталась только между ними двоими.

— Я просто никогда не видела, чтобы люди спали так долго. Мы же не медведи, — пролепетала девушка смущенно. — То есть, «медведи», но тела у нас — человеческие. Поэтому я подумала, что ты погиб.

— Похоже, ты ничего не знаешь о воинском сне. Идём со мной.

Он ухватил её за ладонь и, расталкивая набившихся в зал зевак, вывел из кузни под улюлюканье друзей, Миа едва успела захватить свою парку. Дурацкая улыбка заиграла на её устах, когда она осознала, что сам Бьёрн ведёт её куда-то за руку. Да, и когда? Только вернувшись из лап смерти, не отобедав и не отдохнув. Мурашки побежали по спине.

Вскоре мужчина привёл её к озеру.

— Присядь, — бросил он свою шкуру на невысокий сугроб.

Под накидкой Бьёрн оказался в боевых кожистых накладках, кое-где рассечённых, из-под которых проглядывала разодранная в некоторых местах чёрная рубаха, покрытая бурыми подтёками. Миа приземлилась, куда следовало, и мужчина сел рядом.

— Закрой глаза и отделись духом, а после этого попробуй сделать вот что. Дай внутреннее намерение исцелиться максимально глубоко, пока ты под водой.

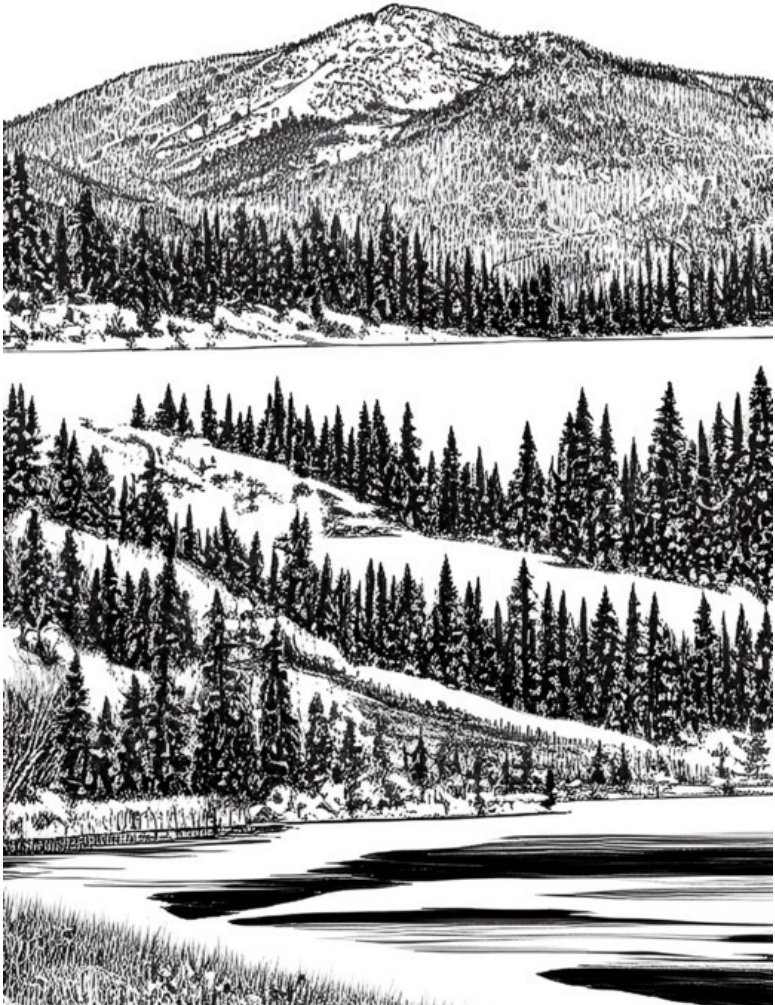
Что ж, это она могла. Через секунду девушка уже была в озере, на самой глубине. От озвученного намерения вода вокруг стала странно себя вести, закручиваться, обтекать её тело, а потом и вовсе проникать сквозь него, вымывая весь ужас и напряжение.

Оказывается, она очень много сдерживала внутри себя, ожидая назад непобедимого воина, скрывая свою историю, потеряв родителей и поселившись у бьярнваров. Миа расслабилась и позволила воде вымыть это всё из себя. Горячие

слёзы побежали по щекам от облегчения и надёжности, разлитой в пространстве.

Голубоватое светопредставление продолжалось довольно долгое время. Слёзы уже иссякли, а на сердце стало вдруг светло и хорошо. Наконец, вода угомонилась, и девушка почувствовала себя обновлённой, одухотворённой, живой! Сердечно благодарная своему учителю, она приняла решение возвращаться.

Вот странно: Миа хотела учиться у Бьёрна бою, а он учил её отдыхать.



Воительница очнулась на знакомом месте у озера поверх медвежьей шкуры, завёрнутая в ещё одну такую же. Рядом сидел Бьёрн, сжимая в руках бурдюк с водой. Возле его ног тонкой струйкой дыма угасало кострище, явно не единожды разожжённое, а сам воин был переодет в тёмно-зелёную свежую рубаху и меховой жилет. Девушка села на своём ложе и почувствовала под шкурой настил из лапника. Всё их место привала растопилось от тепла костра, сугробы кое-где осели и покрылись игольчатыми проталинами, а в некоторых местах виднелась чёрная земля.

Миа недоумённо уставилась на мужчину, тот лишь усмехнулся и отпил тёплой воды.

— Ты шутишь? — возмутилась она, словно воин пытался негласно убедить её в чём-то.

— Хочешь пить? — протянул он ей бурдюк, и девушка жадно приложилась к горлышку мягкого мешка.

Оказывается, она ужасно сильно страдала от жажды! И голода. Словно прочитав её мысли, Бьёрн стал сворачивать небольшой лагерь.

— Идём домой, — позвал он её, когда всё оказалось готово.

Она хотела завалить воина вопросами, но тот довольно скоро шёл вперёд, не сильно интересуясь, поспевает ли она за ним. Когда показалась ограда дома Дэгрун, он обернулся и спросил:

— Сама дойдёшь дальше?

Девушка кивнула, но тут поняла, что не хочет отпускать его снова.

— Бьёрн, постой! — крикнула Миа и ускорилась, пока не достигла остановившегося воина. — Могу я задать несколько вопросов?

— Потом задашь, — бросил он и двинулся в лес от поселения, утаскивая за собой весь скарб, который собрал с привала у озера.

Она зашла в дом Дэгрун, и старуха, завидев её, тут же набросилась на пропавшую:

— Миа! Где тебя носит третий день? Я уже думала, поисковый отряд сооружать!

— Прошло три дня? — ошарашено произнесла та. — Бьёрн просто несносный! Он даже не предупредил меня!

— Бьёрн? — уточнила старуха, сращивая мысли в голове. — Ты опять была с ним?

— Да. А что?

— И как он тебе? — спросила травница, хитро щурясь.

— В каком смысле? — не поняла Миа, и та довольно лукаво скользнула по её телу к ногам и назад, вызвав возмущение «внучки». — Дэгрун! Я с ним не… Боже, о чём ты думаешь?

— Это не я об этом думаю, а ты. Посмотри на себя в зеркало, на лице всё написано, — усмехнулась бабка.

Миа закусила губу. Она думала о знаниях Бьёрна, его уме-

ниях и навыках, восхищалась его стойкостью, мужеством и владением оружия, только и всего! Но только ли? И не это ли самые главные качества мужчины, за которые его ценит женщина?

— Он показал, как пользоваться сном. Я пробыла на дне всего полчаса, не больше, а тут прошло три дня, — покаялась девушка.

— Его отряд ушёл прошлой ночью, — доложила старуха. — Его ждали до последнего, в итоге отправились без него.

— Догонит. А еда есть?

Дэгрун ещё немного поворчала на неё и кивнула на печь с котелком, де, найдёшь, не маленькая. Счастливая воительница бросилась к плите, страстно желая накормить своё изголодавшееся за три дня тело.

После трёхдневного плавания в озере Миа пробовала ещё несколько раз давать подобное намерение, но больше часа восстановление не занимало. Она хотела изучить вопрос глубже, но физическое тело, не ощущая себя в достаточном тонусе в избе Дэгрун, не запускало тот глубинный процесс, который девушка наблюдала на берегу озера. Для продуктивной работы оно требовало более экстремальных условий.

Как раз кстати Миа вспомнила о своём давнем желании сделать прорубь на озере, но неуловимый Бьёрн снова сбежал, и никто не смог сообщить, куда на этот раз подался беглый полевой. Смирившись с таким исходом, девушка решила вернуться к своим делам. Ожидание и волнение ужасно

вымотали её за то время, что боец не возвращался от ормарров, и Миа решила больше так себя не мучить. Пока что.

Путь к кузне стал уже обыденным для её жизни. Сегодня, правда, ей нужно было заскочить ещё в таверну к Фрее, но та располагалась через дорогу от её места работы — не великий крюк.

Девушка приблизилась к лёгким дверям заведения и толкнула их. Внутри было шумно и полно народа, многие пришли на завтрак. Уверенным шагом Миа продвигалась к стойке, за которой в толпе посетителей разглядела Хьярти, сына кузнеца. Перед парнем стояла нетронутая тарелка с лепёшками, а в глазах горел азарт.

— …А он, представляете, подходит к ней, берёт за руку и уводит! — с горячим восторгом вещал он публике, но та не поверила его словам.

— Бьёрн? Девушку? Живую? — засомневался кто-то.

— Да! Нашу Мию! — кивнул Хьярти. — Карл сказал, они на озере…

Он не договорил, потому как объект обсуждений протиснулся к рассказчику и предстал перед его носом. Все мигом затихли и уставились на неё, кто-то испуганно, но больше заинтересованно или смущённо. Девушка поставила мешочек с травами на стол и окинула строгим взглядом собравшихся.

— Это душица и укроп для Фреи, Дэгрун просила передать, — сообщила она мужчине, стоявшем на баре сегодня.

Тот кивнул, схватил котомку и спешно унёс на кухню.

По залу прокатилась волна смешков, а Хьярти повесил нос, пойманный с повинной. Миа постояла в центре внимания, пробуя на вкус вдруг свалившуюся на её голову славу, и, осознав, как себя всякий раз чувствует Бьёрн под прицелом десятков глаз, вышла вон.

На морозном воздухе её первичные эмоции начали потихоньку утихать, и на их место пришло осознание простого факта: их действительно обсуждают в поселении. Оценка, хорошо это или плохо, в голову не влезала, поэтому Миа, чтобы не думать лишние мысли, перешла улицу и скользнула в тепло родной кузни.

Внутри оказался лишь один Карл, зависший над книгой с кузнецким инструментом и кружкой чая. Он поприветствовал девушку и снова хотел уже вернуться к инструкции, но Миа внезапно приняла одно решение.

— Карл, могу я поговорить с тобой? — спросила она, присаживаясь рядом.

Парень закрыл книгу и улыбнулся ей.

— Конечно, Миа! Говори, я тебе всегда рад!

— Зачем вы с Хьярти рассказываете небылицы обо мне и Бьёрне? — задала она животрепещущий вопрос, вложив в него, как она потом подумала, излишне много эмоций и обвинений, не касающихся Карла напрямую.

— В каком смысле? — не понял ученик кузнеца. — Мы ничего плохого не говорим, только то, что сами видели. Вы же были на озере?

— Возможно. Что ты видел?

Собеседник заёрзал на стуле, покраснел крупными пятнами на щеках и опустил взгляд в стол. Миа терпеливо ждала ответа.

— Я видел, как он тебя обнимал спящую очень нежно, — произнес он, наконец, тихим голосом, и щёки его стали малиновыми. — Гладил лицо, будто оберегал. Он сам позвал нас и попросил принести кое-какие вещи, так что не думаю, что сильно рассердится на меня за разнесение новости. К тому же некоторым парням в деревне будет полезно узнать, что ты уже занята. Что не так?

— Ничего…

На другие слова Мию просто не хватило. Она вдруг ощутила руки бойца на своем лице, словно тело вспомнило прикосновения, и её кожа тоже разлилась явным теплом, как у Карла. Обезоруженная, она поднялась со стула и скрылась за дверью кожаной мастерской, прижав её спиной.

Герда оказалась внутри. Она тут же поняла, что с её партнершей по заработку что-то происходит, отложила напёрсток и иглу и потребовала объяснений. Миа, едва дыша, рассказала вкратце историю на озере и в таверне.

— Дорогая, ты ведь не думаешь, что можешь запретить людям говорить? Что тебя на самом деле волнует? — попыталась направить её мысль опытная женщина.

Девушка окинула взглядом свою сегодняшнюю жизнь и поняла: рядом с ней не было всего того, о чём сплетничали

за их спинами.

— Что это всё неправда! Между нами ничего не было.

— Ой, ли? — не согласилась Герда. — Не ты ли сходила с ума, когда Бьёрн долго не возвращался? И он крайне бережно относится к тебе в силу всех особенностей своего характера.

— Я не об этом, — мотнула головой Миа. — Я о том, что мы с ним не разговаривали на тему отношений, а люди в деревне уже всё решили раньше нас.

Она обессилено выдохнула и уселась на кровать рядом с подругой. Та обняла её нежно, совсем по-матерински, и позволила задуматься о будущем без слов и объяснений. За окном только занимался день, а Миа уже устала. Похоже, мнение людей значило для неё гораздо больше, чем она сама для себя думала. Что там говорила женщина о Бьёрне? Он не чтит чужих законов, только свои? Похоже, она поняла, что это значит. Нужно и ей осознать для себя внутренние ориентиры, иначе шторм внутри королевства без короля может легко порвать её парус.

— Люди вечно что-то болтают, это нормально для них, — проговорила хозяйка комнаты, поглаживая Мие волосы. — Если для тебя это так важно, начни разговор сама! Бьёрн вообще может не догадываться, насколько дорог тебе.

— Я вижу последствия таких разговоров, Герда, — не согласилась она и выпрямилась, напитавшись нежностью от старшей. — Бьёрн будет думать обо мне, отвлекаться в бо-

ях и сложных ситуациях, ставить себя под удар. А запереть его дома, как это сделала Анника с Айварсом, я не хочу. Это ужасно для воина.

Женщина, крайне возмущённая словами, взяла её за плечи и легонько встряхнула, словно приводя в чувства.

— Послушай меня. Ты сейчас думаешь, что порознь вы сильнее, чем вместе, но это не так, — серьёзно на грани строгости выдала она. — Два человека на одной стороне всегда более устойчивы, чем поодиночке. Ты станешь для него стимулом не быть таким безрассудным, когда его дома ждут и любят. А он — твоей опорой и защитой. Ни один безумец не отважится обидеть избранницу Бьёрна. И не приписывай вам чужие судьбы, мы все очень разные: он — не Айварс, а ты — не Анника. Поговори с ним.

— Если бы это было так просто.

Пищи для размышлений было предостаточно. Не забывая, что все проблемы людей от их беспокойного ума, Миа старалась отвлечься от своих переживаний ровно настолько, чтобы не игнорировать их совсем. Баланс противоположностей достигался ею лишь в одном единственном месте, куда она и отправилась, закончив пораньше рабочий день.

Озеро встретило её безветрием и белизной. Девушка села на то самое место рядом с плоским валуном, невдалеке от которого они сидели на шкуре с Бьёрном, и попробовала сосредоточиться на воде и теле одновременно. Получалось с трудом. Миа то находилась на прибрежном камне, то в глу-

би озера, а ей хотелось срастить это в единую картину. Какая цель была у этого, воительница не знала, но ощущала это правильным, словно шла по велению духа.

Спустя пару часов тренировок с озером и мечом, она вернулась назад к дому Дэгрун. Боевые практики прекрасно прочистили ей голову от глупых мыслей, терзавших ещё с утра её юную голову, однако для полного удовлетворения ей было нужно кое-что ещё.

Прорубь.

— Где же ты, Бьёрн? Ты здесь нужен, — проговорила девушка очень тихо в морозный воздух, прежде чем закрыть дверь избы за своей спиной.

— Миа тут? — спросил мужчина Дэгрун, едва раскрыв дверь её жилища.

Старуха повернулась к нему, не очень радостная незваному гостю. Обычно Бьёрн заходил к карге крайне редко, особенно после смерти Стефана, но тут ему нужна была её сожительница. Странно, он не видел девушку всего неделю, и его неумолимо тянуло назад, лишь бы снова лицезреть её перед собой.

— Нет её, — крякнула травница. — Она в кузне с Гердой, или ещё где, такая же неуловимая и неугомонная, как и ты. Зайди-ка, вояка.

Зашёл чуть дальше, чем обычно. Что она хочет, интересно?

— Голодный? — спросила она, и тот кивнул.

Получается, кормить вздумала. Ну что ж, пусть. Бьёрн уселся за стол и стал наблюдать, как знакомое сухое тельце женщины сновало по кухонному уголку, собирая ему обед.

— Что там в полях? — спросила она между делом.

— Как обычно, — ответил он, тщательно подбирая слова и следя за языком. — Стервятников только больше в разы. В прошлый поход хотели позвать ормарров на подмогу, они чуть не положили наш отряд. Похоже, сейчас никто не чист, своих парней приходится искать осторожно и по закуткам.

Бабка поставила на стол миску с похлёбкой и кусок лепёшки, стакан аквавита, к которому он не прикоснётся больше никогда, и мешочек с монетами. Бьёрн принялся есть, а мешочек сунул за пазуху. Хозяйка уселась напротив и стала сверлить его взглядом.

Бьёрн знал этот взгляд, сам так же делал. Прощупывал человека, ощущая всё то, что ощущает он. Обычная практика в бою. Только с Мией фокус не удавался, потому как отклик, который он улавливал от красотки, бил ему в самое сердце, растапливая его.

— Девчонку не нашли? — спросила внезапно карга.

Защита встала молниеносно. Система внутренней безопасности, натренированная годами, никогда не давала сбоя. Бьёрн упёрся взглядом в мутные глаза бабки и прекратил жевать. Однако не встретил со стороны Дэгрун совершенно никакого сопротивления. Неужели, сообщники? Нет уж, он

знал, чем может обернуться общее дело.

— Нет, — ответил он.

— А ты не знаешь, где она может быть? — прилетел второй вопрос.

— Нет.

Глубокий вздох целительницы прокатился по убогой избе как смирение с проигрышем. Поделом. Не будет использовать боевые техники против него.

— В доме Хакона что-то происходит, — продолжила она допрос. — Не слышал?

Средства, которые Дэгрун платила за информацию, с каждым разом всё сложнее было отрабатывать. Женщина задавала неудобные вопросы и при этом ковырялась своим вниманием в его голове, словно имела право. Благо, никто не знал его места силы и не мог пробить защиту, ещё чего не хватало. А с этой-то он справится легко.

— Тристан хочет собрать отряд, чтобы пойти на ульваров и взять замок, — доложил он старую известную всем полевым информацию. — Предлагает хорошие деньги. Его отец сопротивляется, но, судя по огню в глазах Тристана, слушать Хакона никто не будет.

— Поганец, — возмутилась карга, то ли подыгрывая воину, то ли действительно не ведая, что творится в её же поселении, тут уж не понять женщину, пользовавшуюся полевой магией в повседневной жизни. — Он однозначно замешан в смерти короля. Без Стефана о нём теперь некому позабо-

титься. Почему «змеи» напали на вас?

Вот это вопрос был на уплаченную сумму. Сразу бы с него и начинала.

— Это мы на них напали, вторглись на их территорию, — отозвался Бьёрн, но защиты на всякий случай не снял. — Они ответили мечом, всё честно.

— С каких это пор выход из королевства — их территория? Или вы полезли в деревню?

Мужчина молча развёл руками, и бабка укоризненно зыркнула в его адрес, не одобряя ход воинов.

— Нам нужно было понять, чем они живут, — уведомил он. — Есть ли там кто-то, кто может помочь. Кто разделяет наши идеи.

— Повезло, что живы остались, очень неосмотрительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.